"Новик"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Владимир Геннадиевич Поселягин

Новик

© Поселягин В.Г., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Порт Владивосток. Офицерская палата военного госпиталя
Полтора месяца спустя. 6 мая. Полдень

Открыв глаза, я медленно, с некоторым трудом повёл ими из стороны в сторону, – была сильная слабость после долгой болезни, – поворачивая голову. Больничная палата. Чёрт, как же я так опять, а?

Сидевшая рядом сестра милосердия, заметив, что я очнулся, оживилась и, дав мне напиться, выбежала из палаты. А через час, в который я прокручивал перипетии последних сражений, когда после купания в ледяной воде – минировать английский броненосец пришлось лично – меня свалила горячка простуды, двери вдруг распахнулись и широким шагом в палату вошёл адмирал Макаров, свита, видимо, осталась снаружи, а за ним…

«Бежать, нужно бежать», – сразу же машинально подумал я и отдал телу команду вскочить с кровати и рыбкой уйти в приоткрытое окно. Однако тело подвело меня и осталось лежать, лишь чуть пошевелило рукой и повернулось на бок от моего желания сбежать. Чёрт, в этот раз удрать не получилось, я был полностью во власти недавно назначенного нового наместника и его гостя.

– Ну что, отрок, – подходя, сказал адмирал, – наконец мы снова встретились, хватит бегать, пора и поговорить. Думаю, ты узнал посетителя. Разреши представить тебе…

Тут раздался стук в дверь выделенной мне на «Отроке» каюты, и я так и не услышал, как Макаров представляет гостя. Хотя это было излишне, я и так узнал его. Резко сев на достаточно широкой койке, поморщился от накатившей головной боли и потёр затылок. Глюки адмирала и императора Российского таяли перед глазами. Тьфу ты, привидится же такое. Хм, и ведь не принимал ничего, просто лёг отдохнуть на часик, пока мы с неизвестным конвоем сближались. В этот раз, похоже, допинг из кокаина не потребовался.

– Опять видение… Хм, но теперь я знаю, что нужно делать, чтобы избежать попадания в госпиталь, – пробормотал я и крикнул: – Встал! Что там?!

Дверь открылась, и в каюту заглянул молоденький вихрастый рыжий матрос из освобождённых русских моряков, кажется, из палубной команды на крейсере, я точно не помню, хотя активное участие принимал в распределении команды на крейсер, когда люди находились ещё в лагере для военнопленных под Токио. Ну точно, это моряк с торгового судна, которое везло, по мнению японской стороны, военную контрабанду.

– Мы вошли в зону открытия огня. Мы сменили курс, и ветер начал сносить дым из труб в другую сторону. Наш флаг стало видно, и капитаны судов забеспокоились, – речитативом выдохнул тот, явно сообщив всё, что ему велел передать капитан боевого корабля. – Капитан

приказал сказать, что почти у всех – британские флаги. У трёх – вроде японские.

– Отлично. Иду.

Матрос, похоже имевший о военной субординации смутное представление, убежал, а я было стал натягивать сапоги, так как прилёг отдохнуть полуодетым, но задумался. Выходить на палубу снова в форме японского флотского офицера не стоило, поэтому быстро скинул её с себя и, подойдя к своим чемоданам и узлам, нашёл гражданскую одежду. Так лучше. Жаль, моя форма прапорщика по Адмиралтейству пропала с другими вещами. Ну что ж, будем обходиться тем, что есть. Да в принципе я ведь сам снял русскую форму, пообещав себе её больше не надевать, так что буду воевать в гражданке.

Только успел застегнуть верхние пуговицы, как наш бронепалубный крейсер содрогнулся от залпа. Особо неожиданным это для меня не было, командир крейсера имел неоднозначные приказы, данные мной. Японцев топить, англичан досматривать. Если есть военная контрабанда, тоже топить. Те же суда, что имели превосходный ход и радиостанции, брать в качестве трофеев. У меня были на них свои планы. Так что раз крейсер дал полный бортовой залп, значит, мы проходили мимо одного из японских пароходов. Странно только, что не обошлось парой палубных орудий, к чему тратить ценный боезапас на обычные грузовые суда? Надо узнать, к чему это.

Посмотрев в зеркало, как выгляжу, я поспешил наверх, очень уж хотелось узнать, какая обстановка снаружи. В иллюминатор было видно три судна, которые яро дымили, уходя в разные стороны, сообразили наконец, кто к ним подошёл, да поздно, а вот того, кого мы обстреляли, было не видно.

Взлетев по трапу, я забежал в боевую рубку, тут же потребовав доклада:

– Что у вас?

Пришлось переждать, так как последовал повторный залп. В принципе на кого оба обрушились, я успел рассмотреть. Впечатляющие результаты. Часть орудий была направлена на ближайшие японские суда, которые шли как бы отдельной группой, а другие орудия открыли заградительный огонь. У конвоя имелось сопровождение из трёх английских миноносцев. Если до глюка я об этом мог только догадываться, то теперь знал точно, как, в общем-то, и наши возможные действия. Я ведь теперь мог их менять, не повторяя тот сценарий из глюков.

Капитаны боевых кораблей Великобритании явно были ошарашены нашей наглостью и попытались показать, что они всё же не зря сопровождают конвой. Может, их атаки и были имитационными, чтобы сбить нас с боевого курса и заставить отвернуть, но наши снаряды вставали у них на пути, заставляя отворачивать. То есть лейтенант одним залпом делал два дела: топил японцев – первое судно уже легло на бок, второе получило несколько попаданий, хотя больше всплесков было вокруг судна, и отогнал наглых англичан. Хм, судя по качеству стрельбы, не удивлюсь, что капитан трофейного крейсера приказал открыть огонь по миноносцам на поражение, но у нас были такие комендоры, что попасть просто не могли. Если только случайно. Ладно миноносцы, там цель юркая и маленькая, но как часть канониров по японцам промахнулась? Тут до них чуть ли не докинуть можно. Чую, скоро их ждут серьёзные времена по боевой подготовке. Будем учить стрелять. Безобразие. Прошлые моряки, что мне попадались, стреляли куда лучше. Можно сказать, были выше на голову по мастерству. Сейчас же или мне так везёт, или бывшие моряки крейсера, канлодки и с миноносцев с трудом осваивают крейсер. Может, и всё сразу. Хотя, если вспомнить, что из-за недостатка личного

состава к орудиям частично пришлось поставить членов абордажной команды, то есть казаков, неудивителен такой результат. Да и команда «Варяга», частично присутствующая на палубе «Отрока», особо себя не проявила в бою у Чемульпо. Плохо они стреляли. Кстати, один расчёт как раз из них был сформирован. Остальные из команды этого прославившего себя крейсера были из трюмной и машинной команды и сейчас находились внизу.

Лейтенант мельком обернулся и тут же вернулся к биноклю, отстранённо доложив, правда, в его голосе столько радостных ноток было, отчего он часто запинался:

– Ворвались, как лиса в курятник… Англичане так и рванули в разные стороны, значит, им есть что прятать… Точно контрабанду везут… Орудия левого борта товсь, цель – третий японец по левому борту.

Я дождался, когда орудия «Отрока» произведут несколько выстрелов. Залпировать уже не требовалось, хватило шести выстрелов из двух стодвадцатимиллиметровых орудий левого борта, чтобы отправить судно на дно. В этот раз точность выстрелов была достаточно высока, что тут же прояснил Головизнин, назначенный мной капитан «Отрока».

– Самых опытных канониров перекинул на эти два орудия. Почти не было промахов.

– Один был, за судном, поэтому всплеска и не заметили, – поправил я его.

– Почему же, – возразил тот. – Видел. Поэтому и сказал почти… Англичане уходят. С японскими судами мы покончили, если даже какое судно не утонет, само до берегов Японии точно не дойдёт. Догоняем?

Вопрос был не праздный. Двух залпов хватило, чтобы дать понять командам английских миноносцев, чтобы к нам не лезли, так что они поспешили за своими подопечными, с истинной английской невозмутимостью сделав вид, что три судна под японскими флагами не под их защитой. В чём-то Головизнин был прав, одно дело – японцы, другое – английские торговцы под английским же охранением. Тут и до войны с Британией недалеко. С другой стороны, сами контрабанду везут, а я слишком наглый и уверенный в себе, чтобы спускать им это дело, хотя своими действиями и могу спровоцировать конфликт между Россией и Англией. Не знаю. В своём видении этот бой у меня в памяти отложился, правда кусками, но зато самыми интересными, причём до объявления войны так потом и не дошло, Англия не стала раздувать это дело. Разве что меня снова мясником объявила, который топит пассажирские суда, но помогать японцам стала уже нагло и цинично, не скрываясь, что полностью развязало мне руки. Если русские военные моряки были связаны приказами и старались не открывать огонь по английским кораблям, которые сопровождал японский конвой из Японии в Корею, то у меня таких проблем не было.

– Мы их уже и так догоняем, – едва заметно улыбнулся я. – Два румба вправо, отсечём самых медлительных. По дальнему из двух судов, что мы собирались подрезать, можно стрелять и с близкого расстояния, а вот по ближайшему что-то мне подсказывает, что лучше с дальней дистанции. Мой ангел-хранитель шепчет в ухо, что на нём, возможно, везут боезапасы, и, если судно рванёт, нам тоже достанется. А мне не хотелось бы, чтобы была уничтожена мачтой со взорвавшегося англичанина радиорубка с последующими работами по извлечению из брони этой мачты и чтобы погибло от взрыва два десятка человек из команды. Так что дальняя дистанция, и только дальняя. Придётся канонирам с ходу поднимать своё мастерство. Как я понял, лучших наводчиков вы уже отобрали?

– Да, командир… А как мы стрелять будем? – спросил лейтенант, встряхнувшись, – он явно с

увлечением слушал меня, изредка поглядывая на курс боевого корабля. – Это же англичане, без досмотра нельзя.

– Некоторые суда конвоя имеют палубное вооружение. Так, мелочь, но капитаны совсем потеряли голову от своей наглости и могут первыми открыть огонь, уверенные в своей безнаказанности. В этом случае свод правил дозволяет нам ответить. Кстати, заметил, что английские миноносцы ни одного выстрела не сделали. Только имитацию торпедной атаки? Понимают, что к чему.

– Думаете, они будут стрелять?

– Увидите, лейтенант. Подрежьте корму этому судну, кажется, «Валенсия»? Однако ответного огня не открывайте. Когда подойдём ко второму судну, перед абордажем или после, в случае если этот нагличанин нас всё же обстреляет, отойдя подальше, откроем ответный огонь до утопления судна. А лучше предварительно укроемся за корпусом второго англичанина… Хм, как дымят, так стараются сбежать от нас.

Лейтенант, отдав приказы канонирам, с большим интересом следил за дальнейшим развитием ситуации, при этом присматривая за рулевым и в бинокль за водами вокруг. В общем, выполнял все функции капитана и части отсутствующих офицеров. В помощи он не нуждался, кажется, даже упивался своей работой, поэтому я стоял в стороне, наблюдая как за капитаном «Отрока», так и за англичанами.

Дважды по палубе из лужёных глоток пронеслось мощное «Ура-а!», когда два японца пошли ко дну. Первые жертвы нашей работы, что не могло не радовать. Капитан крейсера тут же внёс их в корабельный журнал боевых действий, который вёл на ходу. Но третий японец, вторая из целей нашей первой атаки, тонуть пока не желал, хотя крен и был очень силён, но, видимо с помощью затопления противоположной стороны, команда смогла немного выпрямить судно, однако волны теперь чуть ли не перекатывались по палубе. Немного ему осталось, это было видно, но пока не тонул.

К удивлению Головизнина, всё было так, как я и говорил. При приближении к первому английскому транспортному судну с его борта по нам открыли огонь две пушки. Одна мелкокалиберная, а вторая посерьёзнее, водяные столбики её снаряды поднимали заметно выше. Даже было одно почти попадание, мелкий снаряд рванул неподалёку от радиорубки, не нанеся, впрочем, никаких повреждений. Как доложил сбегавший посмотреть посыльный, тот самый рыжий матрос, там разве что краску на броне поцарапало. Английские миноносцы издалека наблюдали за нами, но не приближались. А вот канониры с транспортника, заметив, что мы обходим их по кругу, чтобы подобраться ко второму судну, кстати невооружённому, усилили темп стрельбы, видимо посчитав, что смогут отогнать нас своей артиллерией. Наивные.

Догнав второе транспортное судно, которое, несмотря на явно предельную для него скорость, вряд ли давало больше одиннадцати узлов, я кивнул Головизнину: можно начинать. «Отрок», подойдя к судну с левого борта, противоположного от зубастого транспорта, с ходу сбрасывая скорость, заскрежетал металлом бортов, прижимаясь к англичанину, и вместе с крюками на его борт перепрыгнуло с десяток русских казаков и три десятка бойцов… Позже, когда уже осматривали внутренние отсеки судна, перешёл ия. Так как я один знал английский язык.

И наш «Отрок» сразу стал отходить в сторону. Так как корабль лишился абордажной команды, а это большей части подносчиков боеприпасов и заряжающих соответственно, кондуктор Лисов, который за неимением офицеров отвечал за всю артиллерию крейсера, сформировал

три компактных артиллерийских расчёта с самыми опытными и лучшими наводчиками и после отмашки лейтенанта стал вести ленивый огонь по первому транспорту. При этом крейсер, как я и велел, был укрыт корпусом взятого нами на абордаж судна. Снаряды летели над нашей головой.

Мы же в это время проводили осмотр груза. Ещё до того, как капитан судна по моему приказу принёс мне документы на него, старший абордажной команды вахмистр Жигарев доложил, что в трюме обнаружили детали для больших корабельных пушек. Более того, там же находилась практически в сборе орудийная башня, причём таких размеров, что явно для броненосца. Вроде ещё были пушечные стволы, но осмотреть не успели. Понятно. Значит, идёт ремонт одного из броненосцев, и англичане поспешили поделиться ремкомлектами, чтобы японцы побыстрее ввели в строй один из своих тяжёлых боевых кораблей. Ну-ну. Не удивлюсь, если на втором судне, вокруг которого сейчас вставали всплески разрывов, везут снаряды как раз для броненосцев. Пока ни одного попадания не было, и взбешённый Лисов метался по палубе между орудий, морально и физически убеждая канониров, чтобы они были более точными.

Когда английский капитан подал мне документы на груз, он уже успел всё высказать, что о нас думает, мол, мы пираты и всё такое, однако я лишь усмехнулся, обнаружив, что в бумагах указано, что везли они ткацкие станки.

– Готовь судно к затоплению, – приказал я Жигареву, и тот продублировал приказ морякам, которых ему придали.

– Но вы не имеете права!.. – взбешённо заорал капитан, сообразив, к чему всё идёт.

– Имею, – зло ответил я. – Если думаете, что, нацепив британский флаг на флагшток, можете возить контрабанду, то ошибаетесь. Не быть этому, пока я стою на страже русских интересов. Ясно?.. У вас две минуты, спускайте шлюпки. И не забудьте взять с собой воду и продовольствие, всё же до берега восемьдесят ми…

В это время, похоже, один из канониров, накрученных Лисовым, попал куда надо. На месте первого транспорта взмыл в небо натуральный смерч. Причём ударная волна была такова, что «Селена», на борту которой мы продолжали находиться, едва не легла на борт, но с трудом выправила и потом ещё долго качалась с борта на борт. Многих раскидало по палубе, но погибших не было. Двое англичан за борт свалились.

Повторив капитану, что на борт мы его взять не можем, посоветовал поспешить. Подрывные заряды уже заложены, его судно и так перегружено, так что, как камень, пойдёт ко дну. Грязно ругаясь, тот направился руководить спуском лодок, кстати, одна пострадала от ударной волны, бросившей её на палубу. Ничего, команда не большая. В двух других вполне уместится, хотя и будет тесно.

«Отрок» подошёл к борту судна, часть абордажников стала перебираться обратно на него, и я дал отмашку Жигареву. Тот передал в трюм, чтобы поджигали бикфордовы шнуры для подрыва зарядов. Мне очень не понравилось, что англичане практически демонстративно медленно готовятся к спасению, явно пытаясь нас задержать, давая возможность другим судам уйти как можно дальше. Зря стараются, как и «Селена», они были перегружены и взять хороший ход просто не могли. Я вообще удивлён, что им в сопровождение дали одни только миноносцы, видимо, все крейсеры были заняты. Что ж, нам это на руку.

Правда, надо отдать им должное, они сразу поняли наши действия, молниеносно спустили лодки и, работая вёслами, поспешили отойти от обречённого судна. Ну а мы, наращивая темп,

погнались за остальными. В этот раз миноносцы, которые прикрывали уже снова собравшиеся в конвой на горизонте суда, встали между нами, явно со всей серьёзностью собираясь не допустить нас к своим подопечным.

Подрывные заряды сработали как надо, и, как я и предсказывал, «Селена» на удивление быстро скрылась под водой. Жаль, что столько времени было потрачено на закладку зарядов, но спецов, что могли их заложить, у абордажников было всего двое. К счастью, время закладки в первый раз было не критично, «Отрок» вёл огонь по первому судну, так что время было, но мне всё равно эта задержка не понравилась. Нужно что-то делать.

Пройдя в боевую рубку крейсера, я передал судовой журнал «Селены» Головизнину и своей рукой сделал запись в корабельном журнале боевых действий, который завёл капитан корабля, об абордаже и о реальном грузе английского судна. Написал немного расширенный доклад, упомянув о противодействии команды, после чего, поставив свою подпись, вышел на палубу, где абордажная команда под шутки и взрывы хохота рассказывала, как впервые взяла судно на абордаж. Рассказать действительно было что, и не сказать, что захват прошёл идеально, поэтому я решил поделиться, так сказать, опытом. Тем более часа три у нас было, именно столько нам потребуется, чтобы догнать конвой. Кстати, наш угольщик как держался на горизонте, так и держится. Судно было невооружённым, и влезать в конвой ему не стоило. Вот я и приказал капитану судна мичману Гаранину держаться пока в стороне. Мало того что у него и так людей в команде не хватало, фактически полуторная смена, так ещё и пушки мы на него установить не успели, создавая из неплохого и ходкого судна вспомогательный крейсер.

Где достать команду для обоих моих кораблей, я уже подумал, в том же Шанхае стоит интернированный «Маньчжур». Незаметно проникнуть в порт, добраться до корабля под видом китайцев и с одобрения капитана сагитировать часть команды, это можно, стоит попробовать. Тем более до того, как перегнать будущие трофеи и все захваченные боевые корабли к Владивостоку, пока я только о бывшем «Талботе», у меня в планах хорошо порезвиться на японских коммуникациях. Конечно, на те, где идут поставки в Корею, сейчас мне не сесть, весь японский флот там охраняет свои транспорты от моего возможного появления, но как только уйдёт информация о том, что я атаковал конвой, уничтожая те суда, что везли контрабанду, уверен, часть японских сил направится сюда. Англичане всеми силами будут помогать им найти меня. В результате и появится возможность слегка порезвиться на японских коммуникациях. Долго мне там поработать не дадут, но что успею, всё моё будет.

Всё свободное время я натаскивал абордажников. До этого я ими не занимался, Жигарев своим умом пытался их подтянуть, ну и первый же абордаж показал, кто чего стоит. Не идеал, конечно, больше на адреналине работали, можно сказать, своим умом, а теперь нужно их было учить. Благо первый опыт показал, что не всё у них гладко получилось, много огрехов, и бойцы это видели, так что учились с охоткой. К сожалению, учебных абордажей провести было нельзя, но скоро возможности для практики прибавится, а там уже не зевай.

Наблюдения с английских миноносцев мы не снимали, так что, когда они при нашем приближении двинули наперерез, я следом за посыльным, которого направил ко мне капитан «Отрока», поспешил в рубку.

– До наступления темноты осталось два часа, – сказал я, проходя в боевую рубку. – Стоит поспешить и прижучить хотя бы одного-двух нагличан. Уверен, у всех англичан груз входит в контрабандные списки.

С моей лёгкой руки прозвище англичан быстро распространилось на русском флоте, так что их

теперь никто кроме как нагличанами и не звал. Даже на сухопутные войска начало распространяться. Это я по казакам понял. В заметках Эриха я нередко едко проходился по нагличанам, тот в тексте ничего не менял, что вызывало взрывы возмущения у джентльменов туманного Альбиона.

– Я тоже так думаю, командир, – кивнул Головизнин, опуская бинокль. – Вот только дадут ли нам провести осмотр английских судов? Японца и те два, думаю, мы взяли больше на наглости, не ожидали англичане от нас такого, а вот к остальным капитаны миноносцев нас не пустят. Это ведь, считай, конец их карьеры, и так она под ударом от наших действий.

– Думаешь, будут атаковать? – спросил я, с любопытством посмотрев на лейтенанта.

Меня интересовали его ответ и соответствующие выводы анализа возможной ситуации.

– Думаю, атакуют, – уверенно кивнул тот. – Нейтральные воды. Если дойдёт до конфликта, это может привести к войне, мы и так действуем на грани всех писаных и неписаных правил. Можно сказать, балансируем по краю закона.

– Это так, – не мог не согласиться я. – А вот действия англичан, что доставляют японцам всё им остро необходимое, как по-твоему?

– Это уже верх наглости, – покачал тот головой. – Англичане нарушают все возможные законы и моральные принципы. Но мы – не они.

– И это так, – снова вынужден согласиться я, поглядывая на лейтенанта и обдумывая, что сказать дальше.

В моём глюке, который я видел всего несколько часов назад, этот момент тоже был. И что немаловажно, в нём мы всё же отвернули и направились на соединение с нашим угольщиком, не доводя ситуацию с конвоем до крайности, в чём тогда лейтенант смог убедить меня, и мы довольствовались семью утопленными судами. Сейчас же мне хотелось хоть немного, но изменить ситуацию, посмотреть, что из этого выйдет. Правда, в случае, если дойдёт до боя с миноносцами, не думаю, что меня поддержат флотские офицеры, да и сам Макаров тоже. Можно было ведь и не доводить до этого.

В принципе я и сам был согласен, что атаковать охраняемый караван не стоит. Если дойдёт до боя и до погибших с той стороны, крайним сделают меня, без сомнений, всё же командую тут я, а вот по-тихому подгадить британцам я за всегда готов, главное, чтобы это потом ко мне не привело. Но не так в открытую, как сейчас. Конечно, на меня и так всех собак спустят, из моих глюков знаю, что позже во всех газетах появятся заголовки, что я потопил транспортные суда с беженцами из Японии, мол, они были пассажирскими и везли не контрабанду, как сообщалось в русский газетах, а именно людей. Однако после заметок Эриха англичанам верить перестали, потеряли они своим враньём веру в их печать. Правда, если долго врать, кто-то будет считать это за правду…

– Отворачиваем? – прервал мои размышления Головизины.

Он, как и все присутствующие в рубке – рулевой, часть кондукторов, что отвечали за управление кораблём, – поглядывал на меня. Сейчас всё решится: или в бой, или отворот. Я не обманул их ожиданий, желание поквитаться с наглыми англичанами было у всех, но Головизнин смог не только убедить меня, но и остальных, что это будет удар и по России, а нам этого не нужно.

– Время пока есть, идём на караван, а как войдём в зону уверенного открытия артиллерийского огня с миноносцев, отворачиваем к Гаранину и идём на соединение с ним.

Капитан «Отрока» с заметным облегчением улыбнулся, его порадовал мой приказ. Такой прямой конфликт нам действительно не был нужен, и так натворили немало дел. Пять судов с контрабандой на дно пустили!

– Командир, разрешите уточнить, – обратился вдруг лейтенант.

– Говорите, – кивнул я.

– Почему нам следует тянуть с разворотом? Действуем на нервы английским офицерам с миноносцев?

– И это тоже, но не это главное. Посмотрите на все суда. Насколько я вижу и могу их подсчитать, их четырнадцать. Все они идут полным ходом?

– Думаю, у большей части клапаны заклёпаны, чтобы дать максимальный ход. Взрыв судна с боеприпасами явно подстегнул их, напугав команды.

– Верно. А теперь подумайте, что будет с котлами, да и со всеми механизмами после такого их насилия над ними?

– Большую часть судов ждёт серьёзный ремонт, – уверенно ответил лейтенант, и по его губам скользнула усмешка: он понял, почему нам так важна каждая секунда погони. – Вы были правы, крайнее правое судно вывалилось из конвоя, замедляя ход. Похоже, неполадки в машинном отделении. Такое бегство не прошло для них зря. Видимо, у него механизмы и так были изношены и не выдержали такого отношения к ним.

– Ну, как говорит мой ангел-хранитель, до поворота осталось ещё минуты три, а это не последнее судно, что сбросит ход. Ещё у одного, как вы сказали, лейтенант, должны быть до предела изношенные механизмы, и оно не выдержит такого бегства. Самое забавное, что миноносцы охранять их не будут и уйдут следом за конвоем. Видимо, командиры миноносцев решили, что мы можем перешагнуть черту и пугнуть их на поражение. В этом случае нам никто не помешает досмотреть их. Ну, или им дали чёткий приказ довести до точки назначения хоть что-то, не скажу. Радист слушает эфир, зёву много, у некоторых судов имеются радиостанции, но толку пока мало. Эфир он не забивает, нужно, чтобы японцы быстро узнали, где мы, чтобы отреагировать на это. Пока всё по плану.

– Надеюсь, так и будет, – кинув на меня заинтересованный взгляд, лейтенанта явно интриговали такие мои предсказания, сказал тот.

Мне удалось не разочаровать лейтенанта. Второе судно стало сбрасывать ход, и мы отвернули, очень вовремя, к заметному облегчению команд миноносцев. У нас крейсер как раз предназначался для охоты на такие вот миноносцы, так что ситуация была патовой. Скорее всего, мы взаимно уничтожили бы друг друга. Несмотря на овеянную славой храбрость британских моряков, погибать они всё же не хотели. Думаю, именно из-за этого, не обращая внимания на бедственные сигналы двух тяжелогружёных судов, что дрейфовали в стороне, те кинулись нагонять конвой. В общем, бросили нам добычу, чтобы мы тут застряли, пока конвой уходит. Как доложил наш радист, им пришёл приказ уводить остальной конвой. Правда, не думаю, что их капитанов это спасёт. В глюках о них было мало информации, но вроде старшего над миноносцами сняли и уволили с позором из флота. Но информация не точная, через третьи

руки дошла до меня. Да и глюки всё же.

Дав возможность миноносцам догнать конвой, тот как раз добрался до горизонта, мы, сделав полукруг, направились к первому из двух английских судов. Тот ход сохранил в отличие от собрата, шёл на двух узлах, однако это нисколько не помешало нам притереться к его борту, снова сдирая краску, и спокойно высадить абордажную команду. В этот раз бойцы действовали куда увереннее, всё же некоторые знания закрепились в их памяти, да и прошлые ошибки были учтены. Тут груз так же был военного назначения, стрелковое оружие, боеприпасы и даже пулемёты. Все пулемёты по моему приказу стали поднимать на палубу, как и ящики с боеприпасами. Ракетой был дан сигнал Гаранину приблизиться, погрузка будет осуществляться на американца. Благо там была грузовая стрела.

Скоро, как я говорил, должно было стемнеть, поэтому половина абордажной команды вернулась обратно на борт «Отрока», и тот, отойдя от борта английского судна, поспешил ко второму транспорту, пока наш угольщик к нам шёл на максимальном для него ходу. Всё же Головизнин не успел. Когда тот начал сближаться, из трюма второго транспорта показался дым и языки пламени, а от его бортов отходили лодки, полные людей. Так что лейтенант дал почти в упор пару выстрелов ниже ватерлинии, чтобы наверняка, и направился к нам обратно. Команда этого судна – несмотря на его вооружение, было видно три орудия – не стала рисковать и сама уничтожила его.

Когда крейсер вернулся, Гаранин ещё был на подходе, я перешёл на борт «Отрока» и стал инструктировать лейтенанта по дальнейшим действиям. Понятно, что тот тоже устал и адреналин уже не гуляет по его крови, но работы предстоит ещё много. Так что, хорошенько проинструктировав командира крейсера, что ему делать дальше и когда меня будить, я с частью абордажной команды направился отсыпаться, на ночь у меня в планах много работы, и я собирался отдохнуть, чтобы набраться сил. Вот остальным требовалось поработать за двоих, всё же на такой крейсер требовалась команда в полтысячи человек, а в наличии было едва половина, но я надеялся поправить эту проблему в моряках и офицерах за счёт «Маньчжура».

Особо ничего невозможного лейтенанту я не поручал. Требовалось с прибытием угольщика перегрузить на его борт пару сотен английских винтовок и все наличные в грузе пулемёты. Вот боеприпасов – много. Часть амуниции, включая бинокли. В общем, всё из списков, что я дал Головизнину. Аврал по перегрузке закончится уже в полной темноте. Дальше – отойти от борта англичанина, подорвать его, чтобы он затонул, – английская команда должна быть уже в шлюпках, – и на полном ходу оба корабля по плану двинут к берегам Китая. Точнее, к Шанхаю.

В моих глюках истории с «Маньчжуром» не было, это уже моя идея. А команду мне удалось пополнить случайно, встретив через три дня русское судно, принадлежавшее Добровольному флоту. Там с него было снято с два десятка палубных матросов, десяток кочегаров и, что немаловажно, полноценная рота казаков с офицерами. Они мне были нужны. Совершив переход через Тихий океан из Америки, судно имело проблемы с машинами и сейчас ремонтировалось, дрейфуя в полутора сотнях километрах от нас, счастливо избежав чужого внимания. Насчёт него я из своей истории ничего не помню, не мелькала о нём информация. Вот в глюках я присоединил этот пароход к себе. Правда, быстро пожалел и избавился от него. Мало того, что тихоходное, так ещё постоянные поломки. В общем, балласт.

Ничего, ремонтироваться тому ещё три дня, так что успею наведаться в Шанхай и пообщаться с и. о. командира «Маньчжура» лейтенантом Лазаревым. Кроуна на борту канлодки уже не было, с небольшой частью команды он смог незаметно перебраться в Порт-Артур, где адмирал Макаров назначил его начальником штаба Тихоокеанской эскадры. В принципе всё как и в моём мире.

Разбудил меня стук в дверь. Я перевернулся на спину, протерев ладонью лицо, прогоняя сонную одурь. Иллюминатор был зашторен, думаю, как крейсер, так и угольщик, следуя моему приказу, идут в режиме светомаскировки, и включать в каюте свет я не стал, мало ли, вся операция может сорваться от любого пренебрежения к ней, никто не должен знать, что мы здесь.

Легко встав, я подошёл к двери и открыл её. Там стоял тот же рыжий вихрастый посыльный, только сейчас в тусклом свете одиночного ночника на его лице была заметна печать сильной усталости. Матрос вытянулся и, отдавая честь, с рукой у виска (научили-таки) доложил:

– Ваше благородие, командир крейсера «Отрок», его благородие лейтенант Головизнин сообщает, что появились огни Шанхая. Он приказал поднять вас.

– Передай лейтенанту, – кивнул я, – что я сейчас поднимусь на мостик.

– Есть, – снова козырнул тот и, немного неумело развернувшись, быстрым шагом направился к ближнему трапу.

Команда уже изучила боевой корабль и стала свободно ориентироваться в лабиринте внутренних проходов и отсеков.

Умывшись, я протёр полотенцем торс, оделся, взял приготовленный портфель и направился в боевую рубку, которую сам же и обозвал мостиком. К сожалению, мостиков у рубки не было, что не давало вести хорошее наблюдение за водами вокруг, так как видимость через узкие щели бойниц была так себе, особенно в бою.

Взбегая по трапу, я поправил скрытую пиджаком кобуру с одним из бельгийских пистолетов, который взял с собой, и вошёл в рубку, где меня дожидался пошатывающийся от усталости лейтенант, тяжело ему было одному управлять кораблём.

– Шанхай, – указал он вперёд. – Шлюпка готова, солдаты, которых вы отобрали, тоже.

Я стал изучать едва виднеющуюся береговую линию.

– Хорошо. Сейчас я покину борт корабля по своим делам. Что вам делать дальше, вы в курсе.

– Так точно. Отойти в открытые воды, лечь в дрейф и отдыхать, выставив наблюдателей.

– Отойти миль на сорок, – уточнил я. – Всё же здесь довольно активное транспортное движение, поэтому не стоит попадать на глаза местным торгашам. Быстро сдадут. В дрейф ляжете подальше от их традиционных маршрутов. Они в основном у берега ходят. Редко когда далеко забираются. Может, только американцы, но они тут нечасты. Если повезёт, так никого и не встретите… Как потом действовать, помните?

– Да. Как стемнеет, вернуться к устью входа в порт Шанхая и встретить вас.

– Сигнал?

– Три раза должна мигнуть сигнальная лампа. Промежуток между сигналами – три секунды.

– Всё верно.

В это время подбежал боцман и сообщил, что лодка спущена и отобранные мной люди уже в ней. В общем, не стоит задерживаться. В этом я был прав, даже ночью тут было движение.

Правда, в основном каботажников, серьёзные грузовые суда ходили днём, особенно те, капитаны которых плохо знали здешние воды, а таких в последнее время хватало, поэтому поторопимся. Кстати, перехваченный нами конвой вышел из Шанхая.

Я спустился в лодку, где сидели два матроса и четыре казака, все в военной российской форме. Это требовалось для скорейшего опознания и переговоров с офицерским составом канлодки. Я не переоделся по той причине, что помимо формы офицера ВМФ Японии у меня были только гражданские костюмы.

«Отрок» и угольщик, которому мы пока так и не дали имени, не заслужил, двинули в открытое море, шли они тёмными массами без ходовых огней, потеряться так было легко, а мы направились к порту. Как я и думал, в стороне замелькали китайские лодки – рыбаки вышли на ночной лов. Подойдя к одной из них и не договорившись, мы направились ко второй. Это была крохотная джонка тонн на восемьдесят с шестью китайцами-рыбаками. Вот с ними мы смогли договориться.

Старик с куцей бородкой, когда назвал цену за работу и получил её в английских фунтах – деньги из судовой кассы «Отрока», на моё сетование насчёт первой джонки затрясся всем телом, квохча от смеха. Китайский я знал очень плохо, хотя разобрать, о чём говорят, мог, но хозяин лодки владел корейским, как родным, так что проблем с пониманием не было.

– Так то контрабандисты, ждут второе судно, а тут вы. Неудивительно, что они вас послали далеко и надолго. Странно, что не обстреляли, видимо, что-то важное ждут, раз боятся шуметь.

– Теперь понятно, – кивнул я. – Ладно, можем двигаться? Всё делаем, как условились.

Договориться с китайцами было действительно не сложно. За деньги те были готовы на всё. Я говорю за всю социальную сферу Китая. Даже дворяне могут за деньги сделать многое, тут всё от суммы зависит. Тем же рыбакам я заплатил на удивление мало, цена за три их улова примерно, но они и этому были рады.

– Всё сделаем, – согласился старик и стал отдавать приказы своим родственникам, составлявшим команду.

Моя боевая группа из моряков и казаков уже перебралась на джонку. Нашу шлюпку привезли к корме и забросали её старыми сетями, чтобы часть свешивалась за борт. Маскировка туфтовая, но хоть так. Жаль, что в устье мы войдём при свете солнца, горизонт уже посветлел, и вот-вот появится светило. Однако ничего, прорвёмся. «Отрок» и угольщик уже ушли за горизонт, мы их не видели, так что пока о нашем появлении в Шанхае никто не знал. Надеюсь, до отбытия всё так и будет.

Я устроился на носу джонки, один из китайцев по приказу старика бросил там свёрнутый кусок брезента, так что полулежал я вполне с удобствами. Пара казаков наблюдали за хозяевами лодки, остальные отдыхали, крепко сжимая японские винтовки. Вот так и плыли в порт.

Я поглядывал по сторонам. Охраны на входе не было. «Маньчжур» до интернирования охранял старый японский крейсер «Мацусима». Сейчас его конечно же здесь не было, он действовал в составе японского флота. Пока он мне на пути не попадался, хотя с этим типом судна встречаться уже приходилось. В бухте Сасебо однотипный «Ицукусима» не был нами торпедирован, но, как я потом узнал, один из случайных снарядов с горевших складов с боеприпасами попал ему в полубак, нанёс серьёзные повреждения и вызвал пожары. Сейчас

этот крейсер стоял на ремонте. Хотя уже достаточно много времени прошло, могут уже вернуть в строй. Японские ремонтники на удивление быстро работали.

Нас не досматривали, просто некому было, и мы направились в порт. Шли достаточно далеко от нашей интернированной канлодки, казаки и те из моряков, что не спали, вытянув шею, старались рассмотреть стоявший на якоре боевой корабль, который, к сожалению, был исключён из этой войны, но ничего не поделаешь. А так, глядишь, и нам он пригодится. Насколько я знал, на борту оставалось около сотни моряков и с пяток офицеров.

Пока мы неторопливо входили в порт, рассвело, и нижний край солнца оторвался от горизонта, поднимаясь выше. Китайцы были с уловом, и их уже ждали на пирсе, чтобы купить свежую рыбу, но мы сперва свернули к стоянке джонок. Там рыбаки отцепили лодку вместе с нами и тогда пошли к пирсу. Со стороны внимания мы не привлекли. Винтовки и подсумки спрятали под старыми сетями, которые нам отдал старик, вернее, я их у него купил. Как за новые заплатил, но торговаться не хотелось. Дальше, подходя к разным судам, я узнавал, какая из джонок продаётся. На нас смотрели без особого любопытства, тем более по приказу моряки и солдаты скинули верхнюю одежду и фуражки, оставшись в нательных рубахах, так что нашу национальную принадлежность распознать китайцы с ходу не могли, а общался я вообще на корейском. И достаточно быстро удалось выяснить, какие суда выставлены на продажу.

После недолгого осмотра, а я уже специалистом стал за эти месяцы, выбрал небольшую джонку тонн на сто пятьдесят и уплатил за неё хозяину. По моим прикидкам, если повезёт, то добудем около пятидесяти так нужных нам моряков, и джонка спокойно переправит их на крейсер. Я нанял бывшего владельца судна на пополнение припасов, и в её трюм было спущено три десятка мешков с рисом и несколько бочонков с солониной. Потом я на шлюпке с двумя казаками направился к «Маньчжуру». На дне было две корзины со свежей рыбой, для маскировки – мы, мол, рыбаки. Тем более через бывшего хозяина лодки нам удалось приобрести китайскую одежду. Я в курсе, что разнотипных шпионов здесь хватает, и информация тоже стоит, скорее всего, о нас быстро узнают, но я особо об этом не переживал. Везде я доплачивал за молчание, тут отдельный тариф, так что надеялся, что до вечера сведения будут попридержаны, а дальше уже не важно.

– Эй, на лодке! – окликнули нас с борта канлодки, на английском, в Шанхае это был международный язык. Да и вряд ли кто из команды знал китайский.

– Свежая лыба, сэл, свежая лыба! – как картавят обычно китайцы, крикнул я в ответ, кутаясь в накидку. – Ещё лис.

Уверен, за канлодкой со стороны наблюдают, и любая лодка привлечёт внимание, поэтому и такие напряги с маскировкой.

– Рыба с рисом? – задумчиво пробормотали с канлодки на русском, явно пробуя эти слова на вкус, после чего ответили на английском: – Ладно, подходи к правому борту, спустим забортный трап.

– Гребите к правому борту, – тихо велел я двум казакам, сидевшим на вёслах.

Моряки с «Отрока» остались на джонке, готовя её к выходу. На ней требовалось провести некоторые процедуры, так как уже больше года она провела на якорной стоянке.

Как только шлюпка подошла к правому борту канлодки, я бросил наверх верёвку, чтобы вахтенный закрепил конец, а сам руками о забортный трап погасил скорость и вторым концом привязал к нему лодку. К нам уже спускались два моряка, сверху поглядывал офицер в звании

мичмана, поэтому, часто кланяясь русским морякам, я тихо сказал ближайшему на русском языке:

– Я Максим Ларин. Отведи меня к командиру «Маньчжура».

Тот несколько удивлённо покосился на меня, рассматривая лицо, потом на казаков, убеждаясь, что мы славяне. Один из казаков, Рустем Закиров, из казанских татар, улыбнулся белозубой улыбкой и негромко спросил:

– Что, не веришь? Из Японии мы. Из плена бежали. Его благородие выручил, освободил.

– Делайте вид, что всё идёт как и прежде, мы китайские рыбаки, привезли вам рыбу и рис, а ты проводи меня к капитану корабля, – быстро велел я.

– А шлюпка-то корабельная… Прошу за мной, – пригласил моряк, и, пока второй осматривал корзины и два мешка с рисом на дне лодки, мы поднялись на палубу «Маньчжура».

Матрос первым с немалой сноровкой взлетел наверх и что-то шепнул на ухо встревожившемуся офицеру, который сверху не мог не заметить наше общение. Судя по округлившимся глазам мичмана, матрос с ходу выдал, кто мы. В принципе правильно сделал. Передав меня с рук на руки своему вахтенному офицеру, быстро вникшему в суть дела, он поспешил дальше изображать обычную суету при покупке продовольствия. То есть спустился обратно в нашу шлюпку помогать напарнику.

Пока мы шли к каюте старпома, которую занимал исполняющий обязанности капитана канлодки – капитан Краун до сих пор числился её реальным командиром, – я продолжал изображать китайца, то есть кланялся всем подряд, офицерам – глубоко, унтерам чуть меньше. Мичман всё же не удержался и, когда не было свидетелей, быстро спросил:

– Скажите, вы действительно тот самый Максим Ларин?

– Что значит тот самый? – заинтересовался я, разгибаясь уже у двери в каюту. Мы как раз спустились, так что надобность в маскировке отпала.

– Тот самый, что потопил броненосцы Того в первый день войны и чуть позже навёл панику в Сасебо. Все газеты только об этом и пишут. Тот немецкий журналист, что с вами был, сейчас стал самым знаменитым в своей братии. После вас, конечно.

– Если броненосцы и Сасебо, тот самый, – поправляя одежду, кивнул я.

– А где вы пропадали этот месяц? Никаких слухов о новых сражениях не было, только заметки о ваших действиях в Сасебо и после. Недавно вышла последняя заметка с теми приключениями, где участвовал немецкий журналист. На этом всё. Больше слухов.

– В Японии жил, изучал противника, так сказать, изнутри. Заодно освободил лагерь военнопленных с нашими парнями. Угнал из столичного порта Токио японский крейсер, бывший английский «Талбот», ну, и угольщик. По пути досмотрел четыре английских судна, все везли контрабанду, снял команду и потопил их. Ещё три японских без досмотра пустил на дно. Сейчас у меня проблемы с недостатком команды, и я планировал её решить за ваш счёт. Поэтому и прибыл в Шанхай. Это реально? Люди у вас есть? Беру только добровольцев. Могу обещать море приключений и, если повезёт, славу.

– Надеюсь, командир решит этот вопрос. Мичман Богданов к вашим услугам. Если что, я первый из добровольцев.

– После меня, – сказал молодой мужчина в накинутом сюртуке с погонами лейтенанта, открывший дверь. – Вы так «шептались», что я всё слышал… Лейтенант Лазарев к вашим услугам. Наслышан. Прошу.

Лейтенант посторонился, и мы с мичманом прошли в его, надо сказать, не такую и большую каюту. Это не помешало нам устроиться с некоторыми удобствами.

Исполняющий обязанности капитана очень желал услышать мои приключения, однако я напомнил, что долго задерживаться не могу, это может вызвать подозрения у наблюдателей. А они точно есть. Поэтому по возможности хотелось бы закончить побыстрее. Но и уйти без рассказа я не мог. Лейтенант вызвал других офицеров, даже разбудили, что был вахтенным ночью. В каюте сразу стало тесно. Кроме и. о., все были мичманами, лейтенантов Краун с собой забрал, как и расчёты тяжёлого калибра. Парни понимали, что могут простоять здесь всю войну, и, честно говоря, желали повоевать, тем более обо мне какие только слухи не ходили!

В общем, когда офицеры собрались, я достаточно кратко, без особых подробностей описал свои приключения. Даже упомянул, что встречался с выздоравливающим Того в японском госпитале и мы неплохо поболтали. О подарках ему и императору тоже упомянул, не видя в этом ничего такого. Описание их вызвало у офицеров одобрительные улыбки. Они посчитали их щелчком по носу императора. Потом я коснулся проблемы нехватки команд на «Отроке» и американце и желании её решить за счёт «Маньчжура».

Лазарев в большей части моего рассказа пребывал в задумчивости, соображая, сколько людей и офицеров может дать. Так что когда я закончил и достал из-за пазухи запечатанный сургучом мой доклад по последним действиям, он принял его, соглашаясь передать через наше консульство в Шанхае дальше, и сказал:

– Знаете, Максим Евгеньевич, я прикинул все возможности пополнения ваших кораблей специалистами, и выходит вот что. Самый минимальный для ухода за нашим кораблём экипаж может быть в количестве семнадцати матросов при трёх кондукторах и одном офицере. Получается, с борта можно снять восемьдесят шесть матросов, одиннадцать кондукторов и пять офицеров.

– Отлично, – широко улыбнулся я. – Я, честно говоря, на меньшее рассчитывал.

– Это ещё не всё. Кроме «Маньчжура» в порту Шанхая стоят два наших грузовых судна. Они тоже интернированы. Есть возможность и с них снять часть экипажей, тем более они штатные. Беседу с капитанами я возьму на себя.

– Я так понимаю, Андрей Олегович, вы тоже идёте? – уточнил я. – Вы можете это сделать? А кто вместо вас останется?

– Да, я решил пойти с вами. Покинуть нашу канлодку могу. Напишу приказ о назначении одного из мичманов исполняющим обязанности и уйду с вами. Влетит, конечно, но позже. А вот по поводу того, кто останется, я долго думал и решил пустить выбор на волю случая. Жребий.

– Это без меня, времени не осталось.

– Согласен.

Мы быстро обговорили, как я буду снимать экипаж с «Маньчжура», повторив, что среди моряков нужно отобрать добровольцев. Все, кто не желает войны, мне не нужны, пусть остаются здесь и несут тихую спокойную службу. И я покинул каюту Лазарева. К лодке меня сопровождал тот же офицер, для маскировки, после чего мы отчалили и на вёслах пошли обратно к стоянке джонок. Дальше уже не моя работа, надеюсь, Лазарев справится, было видно, что ему до тошноты надоела стоянка в порту, хотелось действий. В принципе в том же состоянии были и мичманы, а тут такой луч надежды в моём лице. Теперь понятно, почему они зачитывали до дыр газеты с заметками Эриха о наших приключениях.

Мы благополучно вернулись обратно. Матросы уже подготовили судно к отплытию, поэтому я объявил отбой. Сам устроился в одной из двух кают, а пятёрка подчинённых во второй. Лишь вахтенный находился на палубе.

Когда стемнело, джонка, скрипя рангоутом, снялась с якоря и медленно поползла в сторону канлодки. Хотелось бы сказать, что поползла под парусом, но нет. Ветер был, однако встречный. Поэтому я спустил всю шестёрку в лодку, она у нас четырёхвёсельная, но ничего, на одну пару по двое село, и на канате стали буксировать судно с места стоянки.

Наконец джонка была выведена на чистую воду. До канлодки тут по прямой с пару километров будет, уставшие буксировщики замучаются грести, так что когда те привязали шлюпку к кормовому канату и поднялись на борт, то, командуя двумя своими моряками, я поднял парус и галсами направился к «Маньчжуру». С опозданием в получас наша джонка подошла к борту канлодки. После негромких окриков, опознание прошло нормально, мы подвели наше судно к боевому и, к сожалению, разоружённому кораблю.

Как только мы встали борт к борту, три каната крепко прижали судно к бронированному борту канлодки. Сразу были перекинуты к нам два штурм-трапа, и по ним с личными вещами стали перебираться матросы. Казаки, одетые по всей форме, стали руководить приёмом людей. Часть их отправили в трюм, часть разместили на палубе. Каюты были для офицеров и кондукторов.

Как и обещал Лазарев, были одни добровольцы. Так что моряки перебирались к нам с большой охоткой. К сожалению, я не рассчитывал на такое количество людей при выборе судна, однако перед наступлением темноты решил этот вопрос, купив большую лодку. Часть моряков были направлены туда, как и в нашу шлюпку, что так же буксировалась за кормой. В новой лодке кроме шести вёсел ничего не было, но её предполагалось буксировать, так что тут я проблем не видел. В эту лодку могло вместиться до шестидесяти человек, но это впритык, так что поменьше устроим.

– Кто остался по жребию на канлодке? – поинтересовался я у лейтенанта, который следил, чтобы матросы, спускавшие его вещи в одну из кают, уложили их как надо.

– Мичман Богданов. Тот, что был вахтенным офицером, когда вас встречал.

– Справится?

– Конечно, Всеволод молодой офицер, меньше года на службе, но я оставил ему трёх кондукторов в качестве вахтенной смены, один опытный. Справятся… Все разместились? Места есть?

– Как я понял, есть. Размещением ваши офицеры командуют, я им передал это дело.

– Ну, значит, всё в порядке.

– Как там переговоры с капитанами торговых судов?

– А знаете, есть подвижки. Сейчас от них лодки подойдут. По времени уже должны быть. Удалось договориться с обоими капитанами. Они в принципе не против были, и, выстроив команды на палубе, я пообщался с ними. Как вы и просили, отобраны только добровольцы. По спискам должно прибыть сорок семь человек, включая трёх шкиперов, они числятся прапорщиками по Адмиралтейству. Но, как вы понимаете, призвать их никто не успел. Война застала нас здесь. Не мы одни скучаем в местном порту. Часть людей – машинные команды и кочегары. При стоянке кормить такую ораву, которая ничего не делает, капитанам не хочется, так что они легко расстались со специалистами. У обоих осталось по одной смене, так что порядок.

– Отлично, – обрадовался я и стал мысленно прикидывать, хватит ли нам места для новых людей? По всему выходило – нет. – Похоже, придётся задействовать шлюпки с «Маньчжура», посадочных мест не хватает.

– Не проблема, те, кто остался на канлодке, приведут их обратно.

– Отлично. Действуйте.

Начали подходить шлюпки с торговых судов, поэтому с ходу часть людей была поднята на борт джонки, часть пересажена на шлюпки «Маньчжура», которые спустили на талях на воду. Знакомство со всеми добровольцами я оставил на потом, так что, когда все разместились и была проведена перекличка, мы отошли от борта канлодки и направились к выходу из порта. Там, где-то на горизонте, нас должен ожидать «Отрок» под командованием Головизнина.

Покинули порт без проблем. Ночь, ничего не видно, вперёдсмотрящие только и поглядывали по нашему курсу, чтобы не налететь на кого, не мы одни без ходовых огней ходим. Однако ничего, в тесноте да не в обиде вышли в открытые воды Восточно-Китайского моря. Когда огни Шанхая стали едва видны, один из матросов достал сигнальную лампу, зажёг её и, прикрывая тряпочкой на необходимое время, подал сигнал в открытое море. Через пару минут был ответный сигнал, он оказался сильно в стороне, поэтому, сменив маршрут, мы направились в сторону «Отрока».

На подходе мы сначала услышали шум судовых механизмов, и только потом из ночной темени, а действительно было очень темно, тучи даже звёзды закрыли, вынырнула туша нашего крейсера. Как только тот сбросил скорость и лёг в дрейф, мы подошли к нему. Я знал, что нас держали на прицеле двух пулемётов, на всякий случай, так что ещё опознались голосом, и я приказал спускать забортный трап.

Народу я доставил много, почти полторы сотни, причём очень нужных специалистов, однако конечно же всё равно недостаточно. Одного трапа для приёма людей, впрочем, хватило. Сперва на борт поднялись моряки с «Маньчжура» и добровольцы с обоих грузовых судов, интернированных в Шанхае. Людей не сортировали, оставили это на завтрашний день, тогда же и распределение по боевым постам будет, а пока устраивали их в матросских кубриках или прямо на палубе, где набросали тростниковые маты.

Офицеров же, естественно, по каютам распределили. Ожидалось, что их будет два-три, а тут сразу восемь, я и троих гражданских штурманов считаю. На всё про всё почти сорок минут ушло. Шестёрка моряков с канлодки, которые должны были вернуть шлюпки обратно, как

только трюм джонки был освобождён от продовольствия, перешли на неё и, забрав все плавсредства, двинули назад. Своё дело они сделали, ну а мы, дав ход, пошли в открытое море. Я прошёл к себе в каюту, помылся и вызвал Лазарева, с помощью которого составил список, кого куда лучше распределять, он-то своих людей хорошо знал. А потом спокойно уснул на своей кровати. Всё же койкой её язык не поворачивается назвать. Натуральная двуспалка.

Поднялся в восемь утра, когда прозвучал сигнал к завтраку. Выйдя на палубу подышать свежим воздухом, с интересом посмотрел на американца, идущего малым ходом неподалёку от нас. К обеду мы должны были выйти к дрейфующему судну, которое производило ремонт. Там я тоже планировал пополнить свои ряды добровольцами.

Поев в заметно оживившейся кают-компании, я кивнул Головизнину.

– Господа офицеры, – встал тот, – прошу вашего внимания.

На командира крейсера сразу же было сосредоточено всё внимание. Лейтенант взял поданный мной вчерашний список и зачитал его. Двоих, одного мичмана и одного штурмана торгового флота, мы направляли на наш угольщик, а то Гранин, впрочем как и командир «Отрока», совсем зашивался. Этого, конечно, тоже мало, но снимет много проблем. Кстати, пока оба корабля весь прошлый день лежали в дрейфе, к полудню были произведены некоторые работы. Встав борт о борт, с «Отрока» на угольщик были перекинуты три пушки. Две небольшие, противоминного калибра, и одна покрупнее, семидесятишестимиллиметровая. Запас боеприпасов тоже передали, по два боекомплекта на каждую пушку.

Лазарев стал заместителем Головизнина и принял на себя всю артиллерию крейсера, включая минные аппараты. Дальше уже распределяли людей без меня, назначая их на боевые посты. Даже сейчас, несмотря на малый ход, крейсером управлял один из кондукторов, так что вахтенные офицеры уже были нужны. Оба лейтенанта быстро раскидали людей. Ещё бы сотню – и экипаж будет укомплектован. А пока новичкам следовало освоиться на боевом корабле, некоторые ведь никогда не ступали на их палубу. Несмотря на нехватку, Гаранину всё же тоже выделили немного людей: кочегаров, механиков и даже артиллеристов для тех пушек, что установили на палубе.

Когда распределение было закончено, оба корабля сбросили ход, и на двух шлюпках пополнение со своими личными вещами было переправлено на угольщик, а заодно загрузили угольные ямы «Отрока» после прошедших схваток.

После этого мы двинули дальше. На обоих кораблях часто звучала учебная тревога, новички, как и основные экипажи, стали их осваивать. Лазарев и на «Маньчжуре» командовал артиллерией, так что тему знал и за свою работу взялся со всей серьёзностью. Пока какие-либо выводы делать рано, были всего лишь сформированы дополнительные расчёты для тех пушек, что не имели их. Правда, для противоминного калибра их так подобрать и не удалось, да и не старались, нам эти пушки всё равно ни к чему. Я вообще планировал их демонтировать.

Вот так и проходило наше плавание, даже обед пролетел как-то незаметно. Сам я тоже активно участвовал в учебном процессе, но в основном с казаками. Трижды мы сходились борт о борт с угольщиком. И ребята на практике показывали, как усваивали учебный материал. С каждым разом всё лучше и лучше, есть за что похвалить.

Дым на горизонте от работающих котлов лежавшего в дрейфе корабля заметил один из сигнальщиков, он нам и сообщил через вахтенного офицера. Мы чуть было не проскочили

мимо, но, сменив курс, направились к судну Добровольческого флота. Там были частично разобраны машины, поэтому дать ход оно не могло. Максимум пару узлов, поэтому капитан и не пытался бежать, смысла не было. Как он потом объяснил, они испытали неимоверное облегчение, рассмотрев на флагштоках обоих кораблей российские флаги. Раньше там висели самоделки, где нам в Японии русские флаги взять? Но после захода в Шанхай канлодка поделилась с нами своими флагами. Так что у нас теперь даже запас был. Когда мы подошли ближе к ремонтирующемуся судну, то с его палубы, где толпились казаки, а там их было больше сотни, прозвучало хорошо слышное «Ур-ра-а!». Кстати, эти казаки в бинокли и подзорные трубы тоже рассмотрели, что у нас на палубах есть их коллеги. А как же! Несколько казаков несли службу. Раз они теперь морская пехота, хоть и временно, то служба есть служба. Тут Жигарев распоряжался, так что часовые у арсенала и рубки стояли при полном снаряжении и вооружении, с винтовками на ремне. Часовые, а их на судне было трое на боевых постах, назначенных Головизниным, сменялись каждые четыре часа.

Команды обоих наших кораблей тоже приветствовали своих соотечественников, махая руками или бескозырками. Интенсивные тренировки были пока закончены, чтобы дать людям отдых, все свободные от вахты высыпали на палубу. Ещё бы, такая встреча! Может, кому-то она и показалась случайной и неожиданной, но, кажется, командир крейсера что-то подозревал. Я ведь ему сообщил точные координаты, куда следовать. Так что он ожидал что-то тут найти, и вот нашёл.

– Лейтенант, – обратился я к Головизнину, – сообщите на «Мариуполь», что я ожидаю у себя капитана судна Лажена и командира конвойной роты. То есть командира сотни подъесаула Елисеева.

Вот теперь подозрения лейтенанта переросли в уверенность, что я был в курсе местонахождения русского судна и знал, кого тут встречу. Он поспешил отдать распоряжения, теперь с появлением офицеров он мог себе это позволить, а я неторопливо двинул к себе в каюту. Один из вахтенных матросов последовал за мной. На нём – приборка каюты к встрече офицеров.

Оба корабля так же легли в дрейф. С помощью сигнальных флажков, они у нас появились тоже благодаря Лазареву, сигнальщики передали на ремонтируемое судно просьбу прибыть на борт крейсера названных людей. С «Мариуполя» спустили шлюпку, и вызванные офицеры вскоре оказались на борту «Отрока». Правда, подъесаул был не один, его сопровождали два офицера, один был сотником, второй – хорунжий.

Капитан с казаком были ошарашены, когда узнали, что обоими кораблями командую я. Да, они обо мне уже слышали, причём не только хорошее. Вон в Америке, откуда они шли, меня тоже начали поливать грязью. Политика, чтоб её! В общем, отношение ко мне было скорее настороженное – верить или нет. Так что я дал им с полчаса покрутиться в среде моих моряков, которые, естественно, информированы были куда больше, так что, когда они после уточняющих вопросов прояснили себе некоторые моменты, например узнали, что большая часть команды, включая казаков, освобождена мной из японского плена, отношение ко мне стало постепенно меняться.

– Господа, присаживайтесь, – после того как Головизнин представил нас друг другу, указал я на стулья и небольшую софу, сам устроившись на своей койке. Мне здесь удобно было, всех вижу.

Кстати, лейтенант удивился, когда я велел ему представить нас. Он был уверен, что мы знаем

друг друга, все предпосылки к этому были. Два казачьих офицера остались на палубе, продолжая общаться с нашими офицерами из экипажа, получая от них самые свежие новости о местных боевых действиях, а то они уже давно были оторваны от происходящего и у них начался информационный голод. Наши моряки им даже выдали немного потрёпанные, но самые свежие газеты, чтобы и другие могли почитать, когда офицеры вернутся на борт своего судна. Правда, почти все они были на немецком или английском языках, но полиглотов на «Мариуполе» хватает, переведут остальным.

Командир сотни и капитан «Мариуполя» устроились на указанных местах, казак только шашку поправил, чтобы не мешала. Головизнин сел на свободный стул. Его глодало любопытство, причём, как я понял, очень острое, он просто не понимал, что происходит, ну а то, что я жестом не отправил его из каюты, и позволило ему остаться. Раз не запрещают, значит, можно.

– Прежде чем перейти к серьёзному разговору, хотелось бы узнать, есть ли острые проблемы, которые нужно быстро решить? – поинтересовался я, прекрасно зная ответ.

– Ещё как есть! – откликнулся капитан «Мариуполя».

– Продовольствие и вода, – понимающе кивнул я.

– Откуда вы?!. – изумился капитан.

– Это не трудно просчитать. Я закупил в Шанхае продовольствие, не так много, как хотелось бы, но вам до Порт-Артура хватит, позволит слезть с урезанных пайков. Вы ведь туда идёте?

– Именно так.

– Хорошо. Сейчас лейтенант Головизнин, командир крейсера «Отрок», отдаст приказ и продовольствие на шлюпках будет отправлено к вам на борт. Включая бочонки с водой.

Лейтенант вернулся в ту же минуту, явно не собираясь пропускать ни слова. Наверное, вахтенный матрос стоял за дверью, вроде мелькал там рукав форменной военно-морской куртки.

Выяснив у капитана степень сложности ремонта и пообещав помочь механиками, у меня теперь их хватало, я свернул к своей теме. Мне нужны были люди. Естественно, капитан был против, чтобы я забрал часть его команды. Причём большую часть, однако я находил убедительные доводы, и тот всё же сдался, сказав, что отпустит только добровольцев. Видимо, он был уверен, что их будет не так и много. Судя по усмешке казака, тот сомневался в этом.

Головизнин же понимал, что моряки с торгового судна для крейсера не подходят, слишком долго переучивать, угольщик наш имеет в принципе полную команду и пополнения не требует, хотя и может её принять. Когда капитан после наших недолгих споров на миг замолк, обдумывая решение, лейтенант почти одними губами вопросительно шепнул мне:

– Зачем они нам?

– Перегонные команды, – так же тихо ответил я.

Судя по посветлевшему лицу лейтенанта, ему это элементарное объяснение в голову просто не приходило, так что он только кивнул. Тогда люди действительно нужны. В общем, мы ударили с капитаном Лаженом по рукам, и в прошлом потомок французов дал добро. После этого он

вышел с Головизниным решать рабочие вопросы, их хватало, а мы уже с подъесаулом перешли к своим темам.

– Как вы оказались на «Мариуполе», я в курсе. Как я понял, вы должны по прибытии в Порт-Артур поступить под командование старшего казачьего войска, а дальше какие приказы поступят. Я не военный, приказы вам отдавать не могу, однако прошу: до того момента, пока вы не ступите на русскую землю, или где находятся русские представительства, временно отойти под мою руку. Обещать вам могу изрядных приключений, немало рубок на шашках, но главное, ваша задача – это абордаж судов и боевых кораблей противника, возможные высадки десантом на вражеском берегу для совершения небольших или больших диверсий. Со своей стороны могу обещать приложить все силы, чтобы потери были минимальны. Да я и сам просто не ввяжусь в бой, если не буду убежден, что выиграю схватку.

– То есть упустите противника? – удивлённо посмотрел тот на меня, пребывая в изрядной задумчивости. – Не трусость ли это?

– А при чём тут трусость? На мой взгляд, это обычная тактика летучего отряда, что вы не можете не знать. Такие группы, как мой отряд, как действуют? Обнаружил цель, если она по зубам, атакуют и уничтожают. Подобные булавочные уколы наносят противнику потери куда больше, чем один крупный, но с нашим уничтожением. Ну потеряем мы корабли, и что? Кто дальше будет наносить удары? Нет, нервировать противника, заставляя его перекидывать с места на место и так не многочисленные силы, – вот наша тактика. Ресурсы у боевых кораблей японцев не бесконечны, и угля они жрут дай боже, а они их гоняют всюду, где мерещатся мои корабли. Это не я сказал, один английский офицер с торгового судна, которое мы после досмотра утопили. Контрабанду везли.

Говорил я всё то же самое, что и в своём глюке, там мне подъесаула удалось уговорить, причём не зря. Ребята оказались действительно отчаянные до беспредела и отважные. Позже я ни разу не пожалел о своём таком приобретении. Вот и в этот раз долго уговаривать казака не пришлось, как и в случае с канонеркой в Шанхае, всё решила скука, и долгое плавание через Тихий океан явно поспособствовало нужному мне принятию решения. Дальше, после того как Елисеев дал своё согласие, мы уже решали рабочие вопросы. В общем, на время сотня в полном составе переходит к нам, благо лошадей, как можно было ожидать, у них не было, ну а с проживанием решит Головизнин, проблем на борту с этим не было из-за нехватки экипажа.

Подъесаул ушёл, у него теперь было много работы, нужно всю сотню со всем имуществом перевезти на «Отрок», а я ополоснулся в тазике, освежившись. Кстати, появление казаков на «Мариуполе» можно назвать счастливым стечением обстоятельств. Грузовое судно находилось в Сан-Франциско, когда началась война. Намекну, оно там ремонтировалось. Там же стояла личная яхта одного из великих князей дома Романовых, и при ней была сотня казаков. Та самая, елисеевская. Князь был с официальным визитом, потому такая охрана. Узнав о войне, он стал снаряжать яхту для скорого отбытия обратно в Россию, когда его глаз зацепился за мирно стоявший «Мариуполь». Узнав, что тот как раз идёт в Порт-Артур, князь решил отправить свою сотню казаков трошки повоевать, тем более сами казаки как раз не были против. Так что он ссадил их и отбыл. «Мариуполь» так же почти сразу покинул американский порт, опасаясь интернирования, тем более груз в трюме был очень важен – снаряды для русских броненосцев и разная сопутствующая мелочь. В общем, на малом ходу, задействовав только часть котлов, судно отошло дальше по побережью и, найдя тихую пустую бухту, встало на ремонт. От скуки, а стояли они там почти две недели, казаки охотой извели всю живность на берегу, пока наконец корабль не был готов к выходу. Кстати, они не были оторваны от информации, как можно было бы подумать, переодеваясь в гражданскую одежду, один из офицеров прогуливался до ближайшего городка, где закупал свежую прессу, так что более-менее были в

курсе всего. Американцы, окрестные жители, о русском судне знали. Именно они доставляли на берег к лодкам свежее продовольствие, фрукты-овощи. В общем, подзарабатывали.

Потом было долгое плавание, трижды вставали у каких-то островков для ремонта – с частыми поломками была проблема, а там уже и произошла наша встреча. Так что встретили нас реально чуть ли не как спасителей. Вон, казаки со счастливыми улыбками перебирались к нам на крейсер. Жигарев, а он, кстати, казачий чин имел взводного урядника, со своими подчинёнными перешёл под руку Елисеева, войдя в сотню в качестве дополнительного взвода.

На месте стоянки «Мариуполя» мы задержались почти на сутки, что было в принципе не так и много. К счастью, на американце нашлись нужные запчасти, именно их отсутствие и заставляло капитана Лажена так часто ложиться в дрейф для ремонта, в Америке нужные детали они приобрести не успели, война началась. Часто приходилось гасить вообще все котлы. А тут, получив нужные запчасти и целую команду механиков, за сутки основная неисправность была удалена, и судно встало на ход. Его угольные ямы тоже были пополнены благодаря нам, чтобы точно дошёл до Порт-Артура. Я дал Лажену и карты подходов к нему как с нашими, так и японскими минными полями, чтобы тот не подорвался, а там, на подступах его встретят. Пусть идёт ночью и недалеко от берега. Служба дальнего обнаружения благодаря Макарову в Порт-Артуре сейчас работает как надо, так что действительно встретят и сопроводят. Ну а путь у берега обезопасит судно от возможной встречи с японскими миноносцами. Они там редко ходят.

Естественно, стоило бы его сопроводить, но у меня столько планов и столько ребят, жаждущих повоевать, так что я займусь своей привычной и, надо сказать, уже любимой работой – диверсиями на коммуникациях японцев. То есть буду ставить им палки в колёса. Между прочим, в своём рапорте, который я отправил через консульство Шанхая на имя Макарова, предупредил, что, если ещё раз встречу конвой из англичан, идущих с контрабандами в сторону Японии, буду их топить. Даже если будет сопровождение, и его потоплю. Оборзели совсем.

Сам Лажен, когда мы в последний раз разговаривали на прощальном вечере в салоне «Отрока», выразил мне своё недовольство. По его мнению, мы его ограбили. Ну не ожидал он, что столько моряков согласится отправиться с нами. Из пяти офицеров, находившихся на борту, со мной пошли четверо, включая старшего механика. Тот отговорился тем, что, мол, машины до Порт-Артура выдержат, а там можно найти другого механика, тем более помощника он подготовил и тот проследит за механизмами до самого пункта назначения. Причём все новички имели новенькую форму прапорщиков по Адмиралтейству и щеголяли в ней. Мои офицеры тут же встали в стойку и выяснили, что на борту «Мариуполя» среди пассажиров находится самый настоящий портной, он следовал в Порт-Артур, причём со швейной машинкой и многочисленными рулонами ткани. Так как часть моих офицеров, из тех, что были в плену, изрядно пообносились, да и три штурмана из Шанхая тоже формы не имели, то смогли как-то уговорить портного перебраться на один из наших кораблей. Тот выбрал угольщик. Там ему выделили комфортабельную каюту. Деньги у команды были, я трофеи распределил, так что портному сразу заказали несколько комплектов формы, и тот, сняв мерки, начал шить.

У капитана Лажена числилось в команде пятьдесят три моряка при пяти офицерах, он был шестым. Четверо ушли ко мне, на борту остались сам капитан и его давний друг старший штурман, тоже пожилой, усатый мужчина. Ко мне ушла вся молодёжь. Из команды перешли тридцать матросов. Фактически, чтобы перегнать судно к пункту назначения, придётся

оставшимся приложить немало сил, но это было возможно. Мы все это понимали, однако люди мне действительно были нужны, и я не мог не принять их.

Как стемнело, «Мариуполь» двинул в сторону Кореи, а мы в сторону Японии, счастливо миновав боевую английскую группу из одного броненосца и нескольких крейсеров. Это они нас искали. Приказ английского адмирала был достаточно жёсток: найти русского пирата и покарать за нападения на английские мирные торговые суда.

Головизнину больше не требовалось постоянно находиться в рубке, теперь у него были вахтенные офицеры, поэтому, проверив, что курс проложен правильно, его прапоры прокладывали, он спустился ко мне в каюту.

– Войдите, – ответил я на стук в дверь.

– Разрешите? – И лейтенант перешагнул порог. – Хотелось бы узнать о ближайших ваших планах.

– Если надеешься на морское сражение, разочарую: зря, первой у нас будет сухопутная операция, тут вся надежда на казаков.

– Что-то серьёзное? – насторожился он, внимательно меня слушая.

– Ещё бы. Японцы катают бронесталь для своих кораблей, а присадки для этой брони получают в одной шахте, надо сказать, единственной на острове. Она находится не так и далеко от берега, в двадцати километрах. Задача казаков – незаметно добраться до шахты, ночью пойдут, уничтожить охрану, а она там есть, и, заминировав шахту, взорвать её. Необходимого металла у японцев запасено не так и много, да и он уходит со свистом, так что потеря шахты сразу поставит их в тяжёлое положение. Придётся договариваться о внешних поставках, пока восстанавливают шахты, а это всё время, такое нужное нам время!

– Серьёзное дело, – невольно присвистнул тот. – И нужное.

– Это так. Ладно, ко мне сейчас Елисеев с офицерами подойдёт, буду вводить их в курс, всё же у них меньше суток для подготовки. Высаживать будем завтра поздним вечером. Высадка на тебе, тоже готовься. Координаты чуть позже сообщу.

– Ясно. Разрешите идти?

– Идите.

Не успел уйти командир крейсера, как раздался стук в дверь: казаки пришли, так что, впустив их, сразу стал объяснять им диспозицию, сообщив, что иду с ними. Кроме меня специалистов по Японии больше не было. Когда постановка задачи была закончена, я не мог не похвастаться перед ними своей коллекцией японских мечей, а те реально были ценителями, так что изучали мои мечи со всей тщательностью и даже восхищением. Были там старые и ценные экспонаты. Сотник даже предложил провести спарринг со мной, выяснив, что я каждый день провожу тренировку, чтобы не потерять форму. С казаками я уже тренировался, вполне неплохой уровень владения шашкой, однако сразиться в учебном бою с офицером тоже был не прочь.

Оказалось, Елисеев тоже увлекается коллекционированием холодного оружия. Сам он свою коллекцию продемонстрировать не мог, осталась дома в родной станице, но как эксперт выступал достаточно грамотно, несмотря на то что в России японское оружие и культура были слабо изучены. Японского он действительно не был особым знатоком, хотя, с его слов, пара

катан в коллекции у него имеется, но пояснить многие моменты другим офицерам мог. Именно он, узрев у меня очень древнюю вакидзаси, не мог её просто выпустить из рук, буквально возжелав, тут же стал предлагать что-то на обмен из своей коллекции. Ага, сейчас. Это был подарок мне от старого мастера меча, с которым я общался, живя в Токио. Подарок тем и ценен, что памятен.

Подъесаул очень расстроился, но я успокоил его: японцев, что носят при себе семейные реликвии, хватает, глядишь, и повезёт в предстоящей боевой операции, отчего тот воспрянул духом. Закончив хвастаться своими приобретениями, я отправил казаков отдыхать и готовиться к будущей высадке, им ещё предстоит изучить английские винтовки, на которые должны перевооружиться, к ним патронов было много, и три пулемёта, которые я планировал взять с собой.

Нам пришлось следующий световой день держаться подальше от японских берегов, лишь провожая дымы транспортных и грузовых судов на горизонте огорчёнными взглядами. Столько целей и уходят. Перед операцией так светиться не стоило, это уже потом можно здесь поработать. Судя по совершенно спокойному и беспечному движению, о прошлых наших рейдах успели позабыть. Лично я тут не работал, а вот Эссен – да, повеселился. Что ж, восстановим статус-кво, но главное, с шахтой разобраться, я на неё давно нацелился, да всё руки на доходили.

Место высадки нами уже было присмотрено, так что, как начало темнеть, мы двинули к берегу и подошли к нему, когда окончательно стемнело, практически в полночь. Я был в своей привычной и уже разношенной форме японского флотского офицера с длинной саблей. Трап, по которому я спускался в шлюпку, придерживали двое моряков, чтобы не мотало – что-то волнение поднялось, мне это не нравилось. На восьми шлюпках, тут и с «Американца» плавсредства были задействованы, на вёслах двинули к берегу. Название угольщику я так и не придумал, а его так привыкли называть американцем, что это и стало названием. Гаранин даже приказал боцману закрасить старое на борту.

Задействовали мы дополнительные лодки, чтобы одним заходом высадить всю ораву казаков, включая десяток моряков и минного офицера, они отвечали за взрывчатку и несколько снарядов, что мы взяли с собой для подрыва. Перевезли и часть боезапасов, а также пулемёты с расчётами из моряков. Высадка прошла на удивление хорошо, бухта тихая, никто не замочился. Мы проверили амуницию и, выслав вперёд разведчиков, двинули следом. Лодки пошли обратно, и оба корабля в ожидании нас отойдут от берега как можно дальше, то есть за пределы видимости. Я назначил время встречи, к которому крейсер должен вернуться к берегу, но не сюда, а где таиться не потребуется.

Шли мы спокойно, дорога, на которую нас вскоре вывели разведчики, была совершенно пустынна. Ветер крепчал, похоже, я был прав, наступала непогода, которая нам могла помешать, что совершенно не хотелось бы. Разведчики радостно доложили, что чуть дальше обнаружили корчму, как они её назвали на свой лад. Но это действительно оказался не такой и большой постоялый двор. Причём отнюдь не пустой. Самое главное, там были лошади и даже повозки. Так что полусотня под руководством сотника Евстигнеева, окружив корчму и тихо вскрыв ворота, стала проникать внутрь. Без шума, конечно, не обошлось, когда казаки ворвались внутрь здания, даже раздалось несколько выстрелов. Но убитых не было ни с той стороны, ни с нашей. Раненые имелись, один казак получил рану в ногу, ножевую. Пехотный офицер полоснул ножом. Вот у японцев было их с десяток, в основном со штыковыми ранами: несмотря на то что английские винтовки парнями были плохо изучены, работали они с ними

вполне уверенно. Важно – добыли транспорт. Пока груз, который мы тащили на плечах и на носилках, укладывался на повозки и запрягались лошади, четыре казака поскакали разведывать дорогу, а я допрашивал хозяина корчмы и некоторых постояльцев. Мимо, никого с шахт здесь не было. Конечно, они здесь не раз останавливались, но хозяин ничего конкретного, что нам было нужно, не знал. Придётся искать другие источники информации.

На постоялом дворе мы оставили тройку казаков для присмотра за пленными, они под утро должны на одноконной пролётке догнать нас.

Кстати, Елисеев привязал к седлу коня, которого ему выделили, сразу три катаны и одну выкидзаси, не считая ножей. То есть, судя по его действиям, он серьёзно собирался меня переплюнуть, набрав большую коллекцию японских мечей. Другим офицерам досталось личное оружие взятых в плен шестерых офицеров. Кто-то скажет, что не правильно, бесчестно лишать офицеров их родового оружия, но тут была причина так поступить. У одного капитана-артиллериста, похоже ветерана, что заканчивал лечение в госпитале, явно собираясь возвращаться в Корею, оказалась казацкая шашка. Причём именная. Обнаружив её, казаки этого капитана чуть не порвали, отметелили знатно. Выяснилось, этот казак им был известен, отчаянный рубака. Вот и лишили в отместку японцев всех мечей за это дело. Только одна катана досталась сотнику. Елисеев её осмотрел и, скривившись, отдал своим офицерам: новодел, причём не очень хорошего качества. А ту шашку он себе забрал, планировал позже родственникам бывшего хозяина отправить…

Дальше мы двигались ускоренным маршем и к двум часам ночи прибыли на место. Разведчики уже частично облазили подходы к шахте и выявили огневые точки. Пулемётов и тем более пушек тут не было, так что, оставив наши средства передвижения недалече, сотня сделала марш-бросок к позициям, которые уже начали готовить разведчики, и стала разворачивать пулемёты. Небольшие группы казаков, пользуясь полной темнотой, фактически на ощупь двинули к казармам рабочих и охраны, остановившись у ограды. Не совсем понятно, где шахтёры жили, а где охрана. Только с отдельным домиком было ясно: наверняка там офицеры и начальник шахты. Для вышек уже были выделены лучшие стрелки. Источники света на территории лагеря – несколько масляных фонарей.

Как только всё было готово, я, давая отмашку, прошептал лежавшему рядом бородатому казаку, выделенному мне Елисеевым посыльному:

– Ахмед.

– Поджигай, – прохрипел тот в сторону двух матросов, стоявших метрах в десяти от нас. Звали его по-другому, но уж больно южный вид он имел, вот прозвище и приклеилось, изрядно меня забавляя.

Там чиркнули кремнем, воспламеняя бикфордов шнур, и до того, как часовые подняли тревогу, заметив несколько огоньков, в небо, шипя, поднялись две яркие осветительные ракеты, взятые нами из корабельных запасов «Отрока». Стало светло, как днём, но это ненадолго, поэтому моряки готовили следующие ракеты. Рядом стоял целый ящик с ними.

Я лежал за одним из «максимов», установленных на пехотном станке. И это естественно, что, будучи самым опытным и повоевавшим пулемётчиком из всех, кто с нами был, я возьмусь за рукоятки пулемёта. Дальше я операцией не командовал, моё – только дать сигнал к началу. И когда ракеты взлетели, я, щуря глаза, которые ещё не привыкли к свету, чуть опустил ствол – мы находились на вершине холма, а казармы в низине – и стал короткими очередями дырявить ближайшее дощатое строение, которое пули пробивали без проблем, наверняка находя

mir-knigi.org

жертвы.

Подготовились мы знатно. Второй пулемёт работал по второй казарме, а третий находился в резерве, на случай нештатной ситуации. И она наступила, когда сигнальщики пустили в небо третью пару ракет, а из второй казармы выхлестнула полуодетая толпа японских солдат. У меня оставалось патронов десять в ленте. Я выпустил их по толпе и стал перезаряжаться, второй расчёт тоже этим занимался. А вот третий, наоборот, радостно застрочил, выбивая у японцев целые бреши. Да и казаки, что подобрались к ограде и там залегли, зачастили выстрелами, выбивая солдат охраны. По моим прикидкам, их было около роты. Серьёзная охрана. Да и всё же два пулемёта у них было, но задействовать их японцы не успели, и они попали в наши трофеи.

Как оказалось, я поливал огнём казарму рабочих, так что после перезарядки я огня не открывал, уже не требовалось, да и любое шевеление, кроме площади у казармы, где стонали и кричали раненые, стихло, а вперед выступили казаки. Хорошо выступили, прикрывая друг друга, поглядывая по сторонам. Ракеты ещё мы запускали, так что они видели, что делать. В казарме охраны пришлось немного пострелять, и у нас тоже появились раненые, но ничего, разоружили всех, после чего минёры двинули к шахте. Там тоже была охрана, но её сняли разведчики в начале боя, именно там, в капонире с мешками с песком, и обнаружился первый пулемёт. Второй был чуть дальше, с позиции на холме много что открывалось. Повезло, что разведчики хорошо сработали и японцы не смогли открыть огонь, а то мы двумя убитыми, из тех, кто плац у казарм зачищал, не обошлись бы. Взбешённые потерями, казаки пленных уже не брали.

Минёры стали минировать шахту, углубившись в неё. Чуть позже казаки при обыске построек нашли в отдельно и далеко стоявшем от всех построек сарайчике запасы динамита. И дело пошло веселее. Пока парни собирали трофеи, перевязывали раненых, а их было шестеро, японские солдаты, даже раненые, продолжали стрелять. Уважаю.

Сам я бегал наблюдать то за погрузкой – тут тоже лошадей и повозки добыли, – то за минированием, стараясь не лезть мичману Карташову под руку. Парень опытный, это видно, мои советы, конечно, принимает, но и свой ум имеет…

Когда мы удалились от шахт на километр, земля дрогнула и за спиной неярко полыхнуло.

– Хорошо долбануло, – пробормотал я.

– Там была разветвлённая сеть шахт. Пришлось подумать, чтобы взорвать всё разом, – сказала шедшая рядом тёмная фигура голосом мичмана Карташова.

– Это вы, мичман, молодец. По возвращении обязательно напишу на вас представление к награде. Не только на вас. На многих участников этой операции. Однако поспешим. У нас скоро встреча с «Отроком».

Раненых посадили на повозки, там же были тела погибших. На рассвете к нам присоединилась та тройка, что охраняла постояльцев в корчме. Они доложились своему командиру, а уже подъесаул мне. Там тоже норма.

По плану, мы к обеду должны выйти в бухту, где располагалась рыбачья деревушка, захватить её, сил для этого более чем достаточно, и ждать «Отрока». Глубины здесь у берега приличные, корабль может близко подойти. Однако благодаря внезапному появлению транспортных средств к деревне мы выйдем утром.

Что меня привлекало в этой деревушке, так это, несмотря на её малые размеры, на три десятка домов, наличие складов. Не сказать, что больших, но для нас приличных. Торговцы доставляли сюда морем товар, и его по земле развозили по всем окрестным деревням. В основном это был рис. Но можно было найти что-то ещё. Это продовольствие я и собирался прихватить. Вообще-то пока у нас с ним проблем нет, но именно что пока, по примерным прикидкам Головизнина, затеявшего проверку, у нас провизии, с учётом новичков, едва на неделю. Стоит пополнить. Тем более пресной воды было всего дня на три, а рядом с деревушкой имелось пресное озеро с родником, из которого многие воду пополняли. Конечно, грабить деревенских, а тут, как ни посмотри, всё так и есть, нехорошо, но делать нечего. Если встретим какое судно с нужным нам грузом, заберём, а пока нам и со складов риса хватит.

Но утешал я себя зря, склады, как впоследствии выяснилось, были пусты, рановато мы прибыли, подвоз должен был быть дня через три. Ну да ладно. Зато на другой сюрприз нарвались.

Уже полностью рассвело, поэтому редкие встречные были шокированы, глядя на спокойно, но быстро идущих вооружённых русских солдат. Причём, как выяснилось, не разбирались в национальной принадлежности, поэтому, заметив меня в японской офицерской форме, робко старались узнать, что это за подразделение, или проскальзывали мимо, видимо принимая за союзников. Любопытным я отвечал, что это английские кирасиры, и прокатывало.

До берега оставалось не так и много, мы уже сошли с местной центральной дороги, на которой располагался тот постоялый двор, на более узкую, хотя тоже неплохо укатанную, когда я заметил возвращение одного из разведчиков. Он доложил подъесаулу, и тот с явно встревоженным лицом направился ко мне. Сам Елисеев в это время распекал хорунжего, командовавшего авангардом: там порубили двух японских офицеров, что передвигались в двуколке, те и сами виноваты, за оружие схватились, но можно было это сделать более тихо. Хлестнул одиночный выстрел, вот подъесаул и помчался разбираться, всё же я приказал идти в полной тишине. Не на своей земле идём.

– В бухте у деревни японский миноносец стоит, – выдохнул Елисеев, натягивая поводья рядом с двуколкой, на которой я ехал со своим готовым к бою пулемётом.

Казаки уже вполне уверенно разбирались в типах военных кораблей, так что сомнений у меня не было: сказали миноносец, значит, действительно миноносец. Только что он тут делает? Никаких подготовленных мощностей в деревне не было. За водой зашёл? Вполне возможно.

Видимо, я задал этот вопрос вслух, потому что услышал предположение Елисеева:

– Может, отдыхают?

– Может, – задумчиво отозвался я. – А разведчики что?

– Как увидели миноносец, сразу выслали сообщение, чтобы мы не входили в деревню. Она рядом, в трёх километрах, лишь обойти тот холм.

– Сотня, стой! – скомандовал я. – Пока не будут точные разведданные, подождём. Если что, нас «Отрок» поддержит. А пока усильте разведку, и нужно выкрасть жителя деревни. Я хочу знать, что японцы здесь делают.

Сотня сошла с дороги, устраиваясь на отдых, были выставлены наблюдатели с биноклями, секреты, даже пулемёты сняты и поставлены на главные направления, чтобы прикрыть лагерь на случай внезапной атаки. С десяток казаков под командованием опытного урядника ушли к

деревне. Там овраг был удобный. По нему можно незаметно добраться до деревни даже днём.

Буквально через сорок минут два казака притащили языка, паренька-рыбачка лет шестнадцати. За это время секрет перехватил на дороге местного торговца, который как раз и скупал товар на берегу и развозил его по окрестным деревням.

С парнишкой, моим ровесником, я общался недолго. Тот особо ничего и не скрывал, с удивлением рассматривая нас, так что обошлось без пыток, хотя сотник и начал готовиться, оказалось, он в этом дока был.

– И что он сказал, командир? – поинтересовался Елисеев, который всю мою беседу с молодым рыбаком простоял рядом.

– Это не из-за нас. Ночь, помнишь, ветреная была, когда мы шахту брали?

– Ещё бы.

– А на море сильное волнение, это серьёзное препятствие для миноносца, тем более старого проекта. Третий класс. Рухлядь. Японцы такие для береговой службы используют.

– Как называется?

– Названия нет, номерной. Французской постройки… Хм, а что, если нам захватить его? Правда, боевой ценности он не представляет, да и минные аппараты имеют другой калибр по сравнению с «Отроком», то есть фактически одноразовый, но можно что-нибудь придумать.

– Позвать ребят, чтобы описали, где он стоит и как?

– Не требуется, от рыбачка уже всё узнал. Хотя нет, зови, уточню кое-что…

Захват миноносца прошёл на удивление просто. О том, что был взрыв на шахте, да и о нас здесь не подозревали, не дошли ещё слухи, мы всех посыльных перехватить успели, трое связанных в одной из повозок лежат, в другие стороны слухи пошли, а в эту, благодаря нам, нет. Миноносец осадку имел небольшую, так что спокойно покачивался у пирса, где обычно стояли рыбачьи баркасы, джонки или грузовой лихтер. Местным ещё повезло, не у всех были такие склады на берегу, соответственно, и не до пирса им, вытащил джонку на берег, и нормально.

Строй в три десятка казаков, что шёл по дороге к берегу, привлёк, конечно, внимание местных, но поглядывали без узнавания, рыбаки просто не могли сообразить, кто мы. Часовой на пирсе у борта корабля забеспокоился. Но было поздно, слишком близко он подпустил неизвестный воинский отряд. Ещё и английские винтовки его с толку сбили, у самого на плече такая же висела. Одиночный выстрел снял часового, и казаки, бегом преодолев оставшееся небольшое расстояние, стуча сапогами по доскам настила пирса, взяли корабль на абордаж, сразу же заняв на палубе оборону, пока остальная сотня, цепью появившаяся на холме, прочёсывала деревню. Большая часть экипажа была на берегу, в единственной небольшой корчме обнаружилась, так что особо искать никого не пришлось. Разве что двоих из постели вдов рыбаков вытащили. Капитан миноносца спал в своей каюте, там его и разбудили.

Склады действительно были пусты, как мне доложил возбуждённый и радостный Елисеев – захват миноносца в зачёт сотни пойдёт. К нам как раз подкатил караван повозок, которым командовал мичман Карташов, и я, посмотрев на японца, указал ему на него:

– Принимайте командование.

– Есть, – козырнул тот, сверкнув глазами. Всё же это был его первый корабль с самостоятельным командованием.

Казаки повели пленных к складам, а мичман, забрав всех подчинённых, их было восемь человек, стал изучать миноносец, распределяя людей по местам. Плохо, что машинной команды у него не было, все моряки были минёрами, с минными аппаратами быстро разобрались, с тридцатисемимиллиметровыми пушками тоже, а вот в машинное отделение мичману пришлось самому спускаться и на примере показывать, как закидывать уголь в топку и держать давление.

Вскоре я тоже прошёл на палубу боевого корабля. Вахтенный, которого уже выставили, сообщил командиру корабля о моём прибытии, и Карташов, с помощниками изучавший запасы на борту, тут же выскочил наружу. Выслушав доклад, я кивнул и, осмотрев миноносец, спросил:

– Ну как вам приобретение?

– Честно, командир?

– Валяй, выкладывай.

Мои странные и незнакомые словечки у местных уже в притчу вошли, даже ожидали, что ещё такое я выдам. Но в этот раз мичман на незнакомое слово не обратил внимания, главное, понял его смысл и начал описывать состояние судна, упирая на его боевую ценность.

– Да всё понятно, рухлядь. Если не утопит противник, сам утонет. Раз больше двадцати узлов это корыто не даёт, используем его в разовой акции. Сейчас подойдёт Головизнин, с него вам передадут механика и несколько кочегаров. Где-то тут рядом, в районе Коти, находится «Такао», крейсер береговой обороны, и вот что мы сделаем…

«Отрок» в этой операции, к сожалению, не участвовал. Не моему сожалению, а экипажа и особенно командира, но тут я был не приклонен. Командир «Такао» был достаточно осторожен и опытен, мог и не связываться с нами, а уйти под прикрытие порта Коти, где имелись береговые пушки. Немного, но всё же для нашего бронепалубного крейсера вполне хватит. Если попадут, конечно. Однако рисковать я не собирался.

«Отрок» подошёл к берегу, как мы и договаривались, в двенадцать дня. Конечно, Головизнин насторожился, обнаружив в бухте миноносец, но, отметив, что мы спокойно ожидаем его на берегу, двинул ближе. Правда, всё же спустил одну шлюпку, пустив её вперёд для проверки. Убедившись, что мы действительно захватили старый миноносец, то стал помогать в погрузке. Часть экипажа на лодках с бочками отправилась за водой.

Но возникла проблема с Елисеевым и его сотником. Среди трофейных лошадей оказались бесценные экземпляры, которые даже в России стоили крайне дорого. Ну не могли профессиональные лошадники их бросить. В общем, с некоторым трудом, под лошадиное ржание и скрип зубов командира корабля, их подняли на борт. Тот и согласился только потому, что казаки обещали, что сами будут ухаживать за лошадьми и кормить их. Корм на пару недель набрали, небольшой запас был у одного местного рыбака из обеспеченных.

Команду миноносца пополнили, так что оба боевых корабля покинули бухту и двинули в

сторону Коти. Если «Токао» и укрывался от ночной непогоды, то только там. План мой приняли, никаких возражений я не услышал. Тут или профессионализм мой растёт, или, что более вероятно, авторитет мой был столь высок, что возражать молодые офицеры просто не смели. Да, думаю, второй вариант более верный, судя по их поведению. С каждой удачной операцией мой авторитет рос как на дрожжах, даже я это замечал.

Проблема с началом операции была мелкой. Дело в том, что с рассветом «Американец» с моего разрешения отправлялся в свободное плавание, его задача – поработать на транспортных коммуникациях противника, топя всё, что держится на воде, то есть на наш угольщик я планировал возложить всю тяжесть предстоящей операции. Конечно же старый крейсер береговой обороны погоды в этой войне не сделает, никакой славы от его потопления не будет, корыто – оно и есть корыто, однако всё же некоторую ценность для нас он имел, а именно – достаточно современное вооружение, полученное после последней модернизации. А это четыре мощные крупповские стопятидесятидвухмиллиметровые пушки, шесть пулемётов и два торпедных аппарата, схожие по калибру с теми, что стоят на «Отроке». Почему-то эти аппараты все военные моряки большинства стран ставят на всё, что может держаться на воде. Ещё была пара сорокасемимиллиметровых пушек, но особого интереса они для меня не представляли. Помимо пушек было солидное количество боеприпасов. Мне чем-то надо вооружать свои будущие вспомогательные крейсеры, и это то, что нужно. Продолжать разоружать «Отрок» не хотелось. С одного «Такао» вооружения хватит, чтобы снарядить два вспомогательных крейсера, даже на третий что-то останется. Головизнин только пушки успел передать, хотя я велел также снять и переправить на «Американца» один однотрубный минный аппарат с бывшего «Талбота» с запасом мин, но уже не успели, с пушками провозились. Думаю, по одному аппарату на каждый вспомогательный крейсер будет нормально. Всё же тут большее значение имеют скоростные характеристики и палубная артиллерия. Мины пойдут, лишь если потребуется быстро потопить какое-нибудь грузовое судно, на случай быстрого бегства или крайней нужды.

Где занимается крейсерством «Американец», мы знали, так что шли в нужную сторону. То, что Гаранин активно работает, было видно. Сначала нам встретились обломки и шлюпка под берегом, полная людей, а чуть позже, отметив несколько дымов, обнаружили и «Американца». Тот стоял в паре кабельтовых от американского судна в пределах видимости с берега, сейчас на борту производился досмотр. Не повезло, даже я видел, что, судя по осадке, судно пусто. Что ж, не пойман – не вор. Пришлось отпускать. «Американец» на полном ходу стал улепётывать, а я, когда мы подошли к нашему угольщику, вызвал к себе Гаранина. Пока мы общались, часть казаков перебралась к нему на борт. А то я так подготавливался к операции по уничтожению шахты, что «Американец» пошёл работать на японские коммуникации без абордажной команды, часть экипажа для этого была задействована, что не есть хорошо.

Тот внимательно выслушал план операции, даже сделал пару конструктивных предложений, легко принятых мной, действительно дельные советы, после чего он отправился обратно на свой корабль. Теперь всё зависит от мичмана. Кстати, он доложил об успехах в своей работе. За полдня – а он вышел на коммуникации с рассветом – они потопили шесть рыбачьих джонок, позволив командам добраться до берега, потом каботажную шхуну, как я понял, это были её обломки и шлюпка под берегом, и вот встретился нормальный пароход, да и тот пустой американец. На этом всё.

Запасы динамита с шахты мы использовали не все, довольно много привезли с собой, вот его часть и была отправлена с казаками. В случае если на встречном иностранном судне будет обнаружена контрабанда, их задача – подорвать его, не тратя и так небольшой запас артиллерийских снарядов.

Карташов с Гараниным разыграли всё как надо. Юркий и не сказать, что быстрый миноносец маневрировал под градом снарядов, проходя в пределах видимости Коти, а за ним шёл наш вспомогательный крейсер, скоростные характеристики которого вполне позволяли держаться за кормой японца. На миноносце развевался японский флаг, так что сомнений у наблюдателей на берегу, чей этот корабль, не было. Да и знали они его, тоже часто в Коти заходил. Уловка сработала, когда группа актёров уже почти скрылась за мысом, а из порта показался идущий на всех парах «Такао». Да и команда миноносца смогла сманеврировать, обогнув вспомогательный крейсер русских стороной и рванув навстречу японскому крейсеру береговой обороны, явно собираясь уйти под его защиту. Вот только проходя мимо идущего навстречу «Такао», миноносец вдруг вильнул и почти в упор выпустил торпеду. Это было так неожиданно для японцев, что они не сразу отреагировали, хотя команда и суетилась у пушек, готовясь открыть огонь. Торпеда попала в нос крейсера, вызвав обширные лакуны затопления. Вот тут началась и паника, подстёгнутая четырьмя пулемётами с миноносца, что выбивала команду старого корабля. От полного затопления «Такао» спас «Американец». Он быстро подошёл к борту тонущего крейсера – подойти к орудиям японским канонирам не давали пулемёты миноносца – и с помощью крепких тросов дал возможность старому кораблю пока остаться на плаву.

Казаки стали быстро зачищать крейсер, перегоняя пленных на палубу нашего угольщика, устраивая их на корме. Матросы, которых мы усилили сотней Гаранина с «Отрока», уже работали на палубе японца, демонтируя все орудия, а для торпедных аппаратов через люки на палубу подавался боезапас. Уже длинные сигары мин стали подавать. Это хорошо, уж они точно пригодятся. Часть казематов было затоплено, но наши моряки в ледяной воде доставали снаряды и всё равно подавали их наверх. «Американец» серьёзно кренился, тросы скрипели, натянутые как струны, с трудом удерживая «Такао», который полностью потерял плавучесть, однако за три часа авральной работы всё, что можно было, снято и тросы перерублены. И «Такао» камнем пошёл на дно. Глубина здесь была значительная, так что остов затонувшего крейсера, мешать судовождению не будет.

К этому моменту и наш крейсер подошёл к берегу у входа в порт Коти и открыл по порту артиллерийский огонь. С берега тявкала батарея, мы по ней тоже отстрелялись, хоть и не попали, но пожары в порту были видны невооружённым глазом. Смысла обстрела этого порта не было, кроме психологического, мол, русский флот продолжает наносить внезапные удары. Да и видно было, что мы сделали с их крейсером береговой обороны.

Вот так, дальше танцуя под обстрелом береговой батареи, мы оттянулись подальше от берега и направились к Гаранину и Карташову. Палуба угольщика была буквально забита разным имуществом и вооружением. Часть уже спускали в один из пустых трюмов. Я передал Гаранину список вооружения, что он может монтировать у себя, остальное для вооружения следующих вспомогательных крейсеров. Ну и сотню моряков с «Отрока» вернул, они нам тоже нужны. Ничего особого в списке вооружения не было: установить перед ходовой рубкой одно стопятидесятидвухмиллиметровое орудие, там палуба как раз была подготовлена для установки таких орудий. Вернее, для стодвадцатимиллиметрового, но думаю, и этого монстра выдержит, Гаранин в этом тоже был уверен. Ещё установить минный аппарат, хватит одного, и усилить бортовое вооружение тремя пулемётами из последних трофеев, а то всего один был. А миноносец, раз остался цел, пусть сопровождает. Будет загонщиком.

Дальше мы разделились: пара – «Американец» и миноносец – пошли вдоль берега в сторону провинции Кагосимы, дойдут и повернут обратно, на крейсерство я им дал два дня, назначив точку встречи. Ну а мы двинули в сторону Токио. Наша задача была не только досматривать иностранные суда и топить их, если там была контрабанда, но и топить всё, над чем реял

японский флаг. В общем, кошмарить эти воды. Однако главная задача была подобрать пароходы, пригодные для использования в качестве вспомогательных крейсеров. Желательно радиофицированные, как «Отрок» и «Американец». Да, у нас всего лишь трое радистов, один военный моряк, двое из пополнения с интернированных в иностранных портах судов, но и это хоть что-то. Двое ушли с Гараниным. Один, тот, который военный моряк, устроился в радиорубке крейсера. Я часто посещал его рабочее место, если он слышал в эфире переговоры на японском. Английский он плохо знал, но справлялся сам, а вот японские переговоры давал слушать мне. Это помогало, именно так мы к вечеру на второй день рейда вышли на стоянку двух грузовых японских пароходов. С открытого океана их не было видно, высокий мыс защищал, а топки были потушены, чтобы по дымам их не обнаружили. Весть о нашем появлении уже пронеслась на тот момент по побережью, вот они и прятались.

После того как дымы из труб кораблей Гаранина и Карташова скрылись за горизонтом, нам повезло наткнуться на первого японца. Это был старый пароход-каботажник, который густо дымил, пытаясь уйти от нас. Сперва капитан не распознал, кто мы, а когда повернул к берегу, было поздно. После пары холостых выстрелов капитан судна предпочёл лечь в дрейф и принять на шлюпке досмотровую команду. Тут нам повезло. Мало того что капитан хоть и плохо, но уверенно изъяснялся на английском, так ещё и его трюм был полон продовольствия. Не думаю, что это груз в Корею. Помимо риса на борту было много чего, включая даже консервы с заводов Циндао. Немцы их гнали. Редкость, конечно, но нам всё сгодится.

В общем, крейсер подошёл к борту старого трампа. Тоннаж судна едва до восьмисот тонн дотягивал, но это не помешало нам забрать половину груза, забив им все кладовые и часть крохотного трюма. В общем, эта проблема была частично решена, после чего команда на шлюпках была отправлена к берегу, а судно подрывными зарядами отправлено на дно. (Обычное дело в рейде.) Пришлось казакам, которые учились под моим приглядом минировать, выдать по моряку, чтобы знали, куда закладывать их, чтобы судно быстро пошло ко дну с минимальным количеством зарядов.

Чуть позже нам встретилось сразу три грузовых судна. Одно японское, что шло немного впереди группы из двух английских, но главное – гружёное, очень уж низко сидело. В моих глюках эта встреча тоже была. С «Такао» – нет, это уже моя импровизация, но с этой тройкой в глюках я встречался, правда, тогда я не отпускал Гаранина в свободное плавание старшим и он сопровождал нас.

Когда меня вызвали в рубку, я в это время продолжал на корме заниматься с казаками, то, взяв бинокль и сразу определив, кого вижу, быстро скомандовал вахтенному офицеру:

– По японцу не стрелять, только по курсу. Боеприпасы для полевой артиллерии японских войск в Корею везёт. Не хватало ещё, чтобы он рванул вблизи нас. Дать выстрел и сигнал флагами, чтобы японец остановился. Потом приказ команде покинуть судно.

В принципе по кораблю уже звучала боевая тревога, так что все занимали свои боевые посты, вот и рубка пополнилась офицерами.

– Будем брать себе? – поинтересовался забежавший в рубку Головизнин, сейчас была не его вахта, вызвали, перед тем как бить в колокол боевой тревоги. – На вид вполне неплохой пароход, шустрый.

– Он радиофицирован, Андреев в рубке уже минут пять морзянкой эфир забивает, чтобы они тревогу не подняли. Только вот брать мы его не будем. Команда выполнит все наши приказы, даже пароход покинет, но, как только абордажная команда поднимется на борт, он взорвётся с

детонацией груза. Команда заминирует его перед покиданием и подожжёт бикфордов шнур. Он долго будет гореть, позволив японцам удалиться к берегу, а нашим добраться на шлюпках до их судна… Хм, предположу, что, потеряв тридцать казаков и два десятка моряков перегонной команды, мы с вами впадём в такую ярость, что потопим все три шлюпки с наглыми япошками. До берега они добраться не успеют.

– Я бы потопил… – задумчиво протянул Головизнин. – Однако с получением такой информации людей мы не будем посылать на японца, как я понимаю… Кстати, пароход после нашего холостого выстрела и сигналами флагами сбрасывает ход. Вы были правы, оно ложится в дрейф.

– Ну так… Отметьте только, что англичане, наоборот, увеличили ход, решив проскочить между нами и берегом.

– Командир, я не удивлюсь, если узнаю, что вы знаете о характере груза на них, видно, что не пустые идут.

– Тут вы правы. Мало того, что не пустые, а с контрабандой прошу заметить. Причём на борту того, что побольше, находится пехотный батальон полного состава. Интересно, его контрабандой считать можно?

– Вот гады, – выругался командир «Отрока». Другие офицеры, присутствующие в рубке, выразились матерно. – Уже и солдат не стесняются на своих судах перевозить. Натуральные нагличане.

– Это точно… Ну всё, япошки покинули своё судно и, как видно, налегают на вёсла, чтобы побыстрее удалиться от своего заминированного судна, так что не обращаем на него внимания и догоняем англичан, они уже успели проскочить, пока мы вокруг японца крутились. Кстати, первым догоним того, что покрупнее, даже предположу, что нас при сближении встретит винтовочный залп. Считайте это актом агрессии и без разговоров пустите в судно мину, после чего, не обращая внимания на него, догоняйте второе. Вот там действуйте по всем правилам. Судно скоростное, может дать девятнадцать узлов, почти столько же, сколько и мы, оно не радиофицировано, но зато перевозит боеприпасы для японской армии. Патроны и снаряды для их полевой артиллерии. Груз вполне ценен, судно берём себе, команду высаживаем на шлюпки. Возражения не слушайте, если что, простимулируете прикладами, если не захотят выполнять приказы. Всем всё ясно? Тогда выполняйте.

Дальше я молча наблюдал за всем, что творилось на нашем корабле и вокруг. Взрыв на японском грузовом пароходе произошёл в тот момент, когда мы, уже пустив торпеду из правого минного аппарата, бросились догонять второе судно. Вот за несколько секунд до подрыва мины под кормой англичанина и произошла детонация груза боеприпасов, так что подрыв мины для экипажа «Отрока» прошёл незамеченным, все смотрели на чёрный гриб за кормой. Кстати, в моих глюках «Отрок» тоже не пострадал, так как, отправив на шлюпках казаков и перегонную команду, бросился за англичанами. После взрыва бросил погоню и вернулся, уничтожив японскую команду огнем мелкокалиберной артиллерии и пулемётов. Те немного не успели, метров триста до берега оставалось. Англичан мы догнали уже под самый вечер. Не повезло им. Не нашлось ни одного порта по пути, чтобы укрыться, в Коти они не успели, перед самым входом мы их догнали. Правда, оба судна тогда затопили, как же я жалел об этом через несколько дней! Теперь же, благодаря глюкам, мог корректировать свои приключения, срезая углы.

Англичанин, который выбросил флаг бедствия, стал заметно садиться на корму, а мы стали

медленно, но неуклонно догонять его напарника, бросившего на произвол судьбы своего спутника. Первый холостой выстрел из носового орудия ничего не дал, команда английского грузового судна сделала вид, что не заметила его, в глюках такого не было, там после выстрела обе лоханки легли в дрейф. Пришлось Головизнину скомандовать на выстрел боевым по курсу судна. В этот раз подействовало, судно начало сбрасывать ход.

На двух шлюпках к англичанину направились те тридцать казаков под командованием хорунжего и перегонная команда, в этот раз не сгинувшая в огне детонации. Казаки после того, как выпнут команду и проверят судно, останутся на его борту. Мне надоело постоянно класть крейсер в дрейф, чтобы спускать шлюпки, абордажем будет заниматься теперь наш трофей, вернее, подходить борт к борту, чтобы высадить абордажников. Там мы ускорим время досмотра и, в случае нахождения контрабанды, захвата. Превращать это судно во вспомогательный крейсер я не собирался, мне груз нужен, так что пусть следует за нами хвостиком и перевозит часть абордажников. Вооружения мы на него не передавали, кроме пары пулемётов для непосредственного прикрытия казаков.

Естественно, команда была возмущена, но всё же мой совет действовал, вернее, действовали приклады английских винтовок. Бывшая команда отправилась к берегу, так как возить их с собой у меня не было ни сил, ни желания, а мы развернулись и пошли к первому судну, которое никак не желало тонуть, хоть и потеряло ход, дрейфуя на крупной волне. Трофей шёл за нами. Вернувшиеся моряки на шлюпках уже подтвердили характер груза, добавив, что на борту также было два японца, сопровождавших груз. Трогать их не стали, да те и не оказывали сопротивления, так что отпустили с командой на берег.

Мы подошли к первому судну, где шла спешная эвакуация: три шлюпки уже были на полпути к берегу, ещё две плавали вверх дном, видимо перевёрнутые в панике, ну и на борту хватало японских солдат, цеплявшихся за всё, что можно, на сильно накренившейся палубе. К нашему удивлению, они снова открыли винтовочный огонь, даже пулемёт протрещал, наверное, из трюма достали. Тратить снаряды мы снова не стали, разрядили мину из левого минного аппарата. Попадание было в мидель, и судно стало быстро тонуть, ну а мы, увеличив ход до четырнадцати узлов, направились дальше вдоль побережья. Операция эта была внесена в журнал, и, как только была отменена боевая тревога, как и все, я отправился отдыхать, передав казакам через посыльного, что мы продолжим тренировки вечером, за час до наступления темноты. Казаки оказались отличными учениками, и опыт, который я им передавал, буквально впитывали как губка, так что не были против уроков, даже охотно шли на них, занимая все свободные места на корме. Да и фехтование на шашках и катанах они преподавали отлично, я много нового узнал. Целая сотня отличных учителей, как этим не воспользоваться? Вот я и воспользовался, часа по два в сутки тратил на обучение, причём с большим удовольствием. Многие показывали мне свои семейные секреты в рубке, что и как делать, поэтому моё мастерство день ото дня росло, что не могло не радовать.

После ужина снова засигналил колокол боевой тревоги: показались дымы на горизонте.

– Это не грузовые суда, – осматривая два дыма, уверенно сказал Лазарев, находящийся в рубке. – Это боевые идут, дымят меньше.

– Да, грузовые дымят так, что полгоризонта закрывают, а тут небольшие столбики. Я думаю даже, что это миноносцы, – опуская бинокль, задумчиво проговорил я. – Для крейсеров они слишком тонкие.

– Миноносцы и есть, – подтвердил командир «Отрока».

В моих глюках никаких встреч с военными судами не было, кроме старого сторожевого судна на входе в токийский пролив. Мы его благополучно потопили, так что я пребывал в сомнениях. Реальная история уже шла не так, как в глюках, так что такие нежданчики могут быть. Может, пока я гнал англичан к Коти, эти миноносцы вошли в какой порт или бухту? Не знаю, да и гадать не стоит. Лишь в одном я был уверен: это точно были миноносцы.

Как только стало видно корпуса встречных боевых кораблей, Головизнин воскликнул:

– Так это же наши старые знакомые, противники самого первого боя на «Отроке»!.. А где третий миноносец?

– Да, – согласился я. – Это англичане из сопровождения прошлого конвоя. Значит, довели до места, отбункеровались и двинули по каким-то своим делам. А вот насчёт третьего ничего не скажу, возможно, на ремонте. А может, на другом задании. Тут поди угадай.

– Что будем делать? – поинтересовался Головизнин.

– Хм… – опуская бинокль, задумчиво протянул я. – Я бы сделал в журнале боевых действий отметку, что обнаружил в японских территориальных водах два японских миноносца, маскирующихся под английским флагом, и атаковал их, однако они нас тоже опознали.

– Разворачиваются! – воскликнул вахтенный офицер.

– Только бы обратно не пошли! – взмолился Лазарев. – Они же нам всех распугают.

– Повернули обратно, – прокомментировал Головизнин, тоже опуская бинокль. – Ну всё, дальше идти смысла нет. Никого не встретим.

Заметив, что на меня косятся, ожидая приказов, я скомандовал:

– Увеличить ход до восемнадцати узлов. Перед нами не самые современные и скоростные корабли, максимум дадут двадцать пять узлов. Однако англичане далеко от своих баз и не будут насиловать машины. Значит, войдут в ближайший порт, а у нас ближайший… – повернулся я к штурманам, и старший мгновенно отреагировал, даже не взглянув на карты, расстеленные на столе:

– Небольшой порт Минами.

– Минами, – повторил я за штурманом. – Загоним англичан в порт и направимся дальше. Воевать они с нами не будут, знают, что мы до конца пойдём, да и не их это война, хотя они тут больше союзники японцам, чем нам.

– Отворачивают в открытые воды! – вдруг воскликнул Лазарев.

Подняв бинокль, я убедился, что лейтенант прав, оба миноносца, синхронно сделав поворот, на максимальном ходу стали уходить в открытый океан.

– Что и требовалось доказать. Английские офицеры тоже не идиоты, понимают, зачем мы здесь, заметили, что мы прибавили ходу, и просто ушли в сторону, не мешая нам. Свою задачу они выполнили, хоть и частично, но довели конвой до цели. Атаковать нас приказа им никто из командования не давал. Повторю, не их эта война… Ладно, двигаемся дальше. Уменьшите ход до среднего.

Снова был отбой боевой тревоги, так что мы разошлись по своим делам. Я, как и обещал, направился на корму, у меня осталась незаконченной тема «Действия морского десанта во вражеском неукреплённом порту». На сегодня учебных тревог не было, боевых хватало, что тоже заметно поднимало боевой дух и умения пока ещё плохо сбитого экипажа, так что люди пока отдыхали.

До темноты нам встретилось шесть рыбачьих джонок, две джонки береговых торговцев, три торговые шхуны, парусно-паровой бриг и семь пароходов. Почти все они пошли на дно, так как, кроме двух, были под японским флагом. Два парохода, четырёхтысячник с максимальным ходом в одиннадцать узлов и шеститысячник с тринадцатью узлами, с большим запасом продовольствия для воюющей японской армии я оставил, высадив на них перегонные команды. Двадцать моряков при одном прапорщике по Адмиралтейству в качестве временного капитана на каждый. Продовольствие и нашим пригодится. Я их отправил к месту встречи с Гараниным. Два других японских парохода везли ценные грузы. У одного было инженерное оснащение, мы, прежде чем пустить его на дно, забрали всю взрывчатку и детонаторы со средствами инициации. Во втором была артиллерия, дивизион полевой артиллерии с боезапасом и расчётами. Честно говоря, я бы и артиллерию прихватил, отогнав вместе с двумя первыми трофеями в Порт-Артур, но не сложилось, артиллеристы отчаянно отстреливались. Пока мы досматривали первые три судна, они умудрились развернуть одну пушку, что стояла под брезентом на палубе, и открыть огонь. Причём попали. Серьёзных повреждений не нанесли, но разозлили так, что наши артиллеристы хорошо так постреляли. Надо сказать, Лазарев неплохо потренировал их, и темп стрельбы повысился, и кучность стала лучше. Так что после первых двух попаданий главным калибром в борт судно сразу пошло на дно. На американца, судя по флагу, наш трофей уже высадил казаков, и там шёл досмотр, а мы подошли к последнему, к моему удивлению, это оказался голландец. Впервые этот флаг вижу в местных водах. Про Шанхай или Циндао не говорю, были там голландцы.

Мы перевели почти всех казаков на трофей, на «Отроке» остался один взвод, так что людей для осмотра обоих судов хватало. Англичанина пришлось отпустить, он пустой шёл, причём мы его опознали. Из состава конвоя, который нам удалось встретить. Вот с голландцем пришлось задержаться, как ни прискорбно это говорить, но у него был груз, который значился в списках контрабанды. Это были станки. Очень современные и специализированные, один так вообще для катания бронелистов. Естественно, по документам везли совсем другое, капитан, он же владелец судна, был очень расстроен. Выяснилось, что его уже просветили о методах наших действий. Если есть контрабанда, судно на дно. Правда, ему ещё сказали, что вместе с экипажем, но офицер, участвовавший в досмотре, успокоил его: такого у нас не бывает, если только судно не стреляет по нам. В принципе тот это и сам видел. Некоторые японские команды на шлюпках только-только подходили к берегу. Так что его попросили подписать протокол досмотра о найденной контрабанде и – прошу в шлюпки, до берега близко, меньше двух морских миль, доберутся.

Голландское судно мы действительно пустили на дно, несмотря на ценность груза, нашим он точно пригодился бы для ремонта кораблей первой линии Порт-Артура. Если с англичанами я мог проявить некоторую вольность, то с другими национальностями старался этого не делать. Дело в том, что, по международному праву, я могу затопить судно с контрабандой в случае крайней нужды, а у меня она всегда крайняя. Но если я конфисковывал судно и груз, то не имел права ссаживать команду. Они должны дойти до нашего порта, и там военным судом им или вернут транспорт, или заставят платить за него штраф. Груз так и так идёт как конфискат, и за него не платят. Контрабанда и есть контрабанда. Так что англичан, прежде чем конфисковать судно, ссаживать я не имел права. Как они трактовали международный свод

правил в своей манере, так и я делал.

Когда стемнело, мы ушли подальше от берега и легли в дрейф. Вдоль побережья было и ночное движение, но наткнуться и случайно обстрелять порожнего нейтрала не хотелось.

На следующее утро мы продолжили наш рейд по транспортным морским коммуникациям противника. Уже одно то, что к десяти нам не попалось ни одного парохода, кроме пары рыбачьих джонок, показало, что о нас стало известно. Чуть позже мы встретили американца, причём заметили его со стороны океана, приближающимся к Японским островам. Из Америки шёл с грузом. Так что «Отрок» бросился на перехват, а трофей пошлёпал за ним на среднем ходу. Казаки в трофейные бинокли с его палубы рассматривали кромку берега. И не зря. Трижды находили прятавшихся каботажников и наводили на них артиллерию крейсера.

Груз у американца оказался ценным даже для нас. Уголь для боевых кораблей. Полные трюмы восьмитысячника. Конфисковали, тем более судно было вполне ходким. Команду пришлось запереть во внутренних отсеках, её остался охранять десяток казаков, а перегонная команда повела судно к месту встречи с Гараниным, там же должны ожидать два трофейных японца с продовольствием. Как мне чуть позже доложили, капитан угольщика очень грязно ругался. Он был в бешенстве, что после тяжёлого плавания его взяли фактически на виду у японских берегов. Вернувшись к трофею, он обнаружил ещё один прятавшийся под прикрытием берега каботажник и отправил к нему шлюпку с казаками. Когда мы подошли, те, заложив подрывные заряды (хозяева судна и команда уже сбежали), пустили шхуну на дно.

К обеду встретили целый караван судов, пять единиц, причём все под японским флагом. Пришлось нам с трофеем разделиться, так как, опознав нас, японцы бросились врассыпную. На абордаж мы их не брали: или мину пускали, или артиллерией накрывали, а вот наш помощник, за неимением орудий, догоняя японцев, или заставлял их выброситься на камни, как это произошло с первым судном, или брал на абордаж под прикрытием пулемётов. Как ни маневрировал капитан японца, сообразив, что трофей не вооружён, всё равно нашим удалось сблизиться и забросить абордажные крючья. Японец тоже был не вооружён, так что нормально всё прошло, разве что казаки, разозлённые на япошек, немного побили их при захвате. Тут же, когда мы осваивали трофеи, я приказал передать наконец с крейсера на борт трофея две сорокасемимиллиметровые пушки с запасом снарядов. Их тумбы сразу же стали монтировать.

У единственного взятого на абордаж судна груз оказался не самым полезным, хотя казаки как раз начали пускать слюни. Лошади там для начсостава были в количестве восьмидесяти шести голов. Даже коляски и повозки на палубе имелись и корма на месяц. В общем, Елисеев очень просил не топить его. Мы и не стали. Но уже к вечеру я пожалел, что оставил судно при себе. Опытные коневоды, отметив, что воды мало, а лошади пили что твой насос, попросили пристать к берегу набрать пресной воды. И пока они пополняли её запасы, используя шлюпки и бочонки, мы по переговорам в эфире вычислили два спрятавшихся японских парохода. Хоть они, а то что-то воды вокруг совсем опустели. Подойдя к входу в бухту, где никаких поселений не было, мы встали на виду, и канониры «Отрока» расстреляли оба судна примерно две тысячи тонн каждое. Так как глубина там была небольшой, оба погрузились по палубу и сели на киль, слегка накренившись, на одном полыхал пожар. Убедившись, что дело сделано, я отдал приказ Головизнину возвращаться. И, захватив лошедевоз, он направил нашу группу из одного боевого корабля и двух трофеев к общему месту встречи.

Добрались под утро и, когда рассвело, обнаружили помимо конфискованных нами судов ещё четыре. Один, ладно, легко узнаваемый силуэт «Американца», а вот три других, видимо, были

его трофеями. О миноносце я и не говорю, он покачивался на довольно крупной волне под прикрытием борта большого напарника.

На корабле уже была объявлена побудка, но завтрак мне ещё не принесли, вместо личного слуги (как мне не хватает Ена!) обычно его обязанности исполнял кто-то из вахтенных матросов. Поднявшись на мостик и выслушав доклад вахтенного офицера, я велел передать с помощью флагов на «Американец», что жду с докладом Гаранина и Карташова, и вернулся к себе. Тут как раз и завтрак принесли, поэтому не торопясь и со вкусом поел. В этот раз кок расстарался, вполне неплохо, рисовая каша с подливой.

Когда прибыл Гаранин со своим временным подчинённым, я выслушал доклад. Как и в моём случае, парни оказались везучи на встречи с японцами и иностранными судами. Причём они даже нас переплюнули. Надо было всё-таки нам в ту сторону идти. За время рейда ими было обнаружено и остановлено семнадцать пароходов, из них четырнадцать пущено на дно, два с отличными мореходными качествами и ценным военным грузом взяты в качестве призовых судов и один, шедший порожняком, был отпущен. Одиннадцать были японскими судами.

Потом я направился на корму «Отрока», там уже ждали меня два учителя по фехтованию. Бойцов, которые могут работать сразу с двумя клинками, их ещё называют обеирукими, трудно встретить, очень редки они, однако в казачьей сотне их оказалось аж двое. Огромное количество, поверьте мне. Оба были обучены и подготовлены в своих казачьих семьях дедами и прадедами. То есть их умение совершенствовалось столетиями, передаваясь от деда сыну, внуку и дальше. В результате на данный момент мастерство обоих урядников было на максимально возможной высоте. И что меня очень радовало, они не отказывались поделиться семейными секретами, поэтому фактически всё свободное время я тратил на обучение. Причём обучали они оба и практически одновременно. Повезло, что начальная подготовка у меня кое-какая имелась, так что учили не с нуля. Оба хвалили меня, мол, всё схватываю на лету. Всего несколько дней интенсивных тренировок – и даже я стал замечать, что моё мастерство поползло вверх. Эх, подольше бы с парнями провести времени, перенять весь их опыт! В принципе основное они показали, дальше только наработка ударов до автоматизма, ну и, естественно, боевой опыт.

Почти сутки мы простояли на месте встречи, пополняя припасы и проводя бункеровку, у нас теперь было аж два угольщика. После чего я отдал приказ начать движение. И направились мы к Порт-Артуру, так как я собирался избавиться от всего балласта, что нарос со времени угона японского крейсера. Конечно, после того, как японцы провели действительно блестящую акцию и брандерами закупорили фарватер, ничего крупного войти или выйти из бухты не могло. Однако тот самый офицер миноносца, которого я допрашивал в японской рыбачьей деревушке, также сообщил, что русские броненосцы на днях видели в Жёлтом море. Это можно было принять за утку, ну, померещилось японским морякам, бывает, только такие миражи не стреляют и не топят миноносцы. Да-да, с русской эскадрой случайно повстречались два «истребителя» и направились посмотреть, кто там дымит. Случайным снарядом один миноносец был потоплен, а второй рванул к своим. Так что информация точная, значит, за эти полтора месяца Макаров как-то умудрился освободить фарватер, вот и передадим ему мои трофеи. Причём все. Больно уж планы у меня резко изменились с новостями, что принёс Гаранин. Дело тут не в том, что он видел большой конвой из английских грузовых судов, шедший в сторону Сасебо, где шли большие восстановительные работы, а в том, что в сопровождении были английские боевые корабли, но под японскими флагами. То, что они английские, сомнений не вызывало, почти все он знал, видел, и не раз, в Шанхае, а тут они под японцами. Самое поганое – в сопровождении помимо шести крейсеров, два из которых были броненосными, было три броненосца. Широко англичане замахнулись. В общем, я решил

преподать им урок, но делать это придётся одному. От балласта из временных подчинённых нужно избавляться, мне свидетели ни к чему. А вот Макаров, думаю, обрадуется призам, тут и продовольствие в тему, и уголь, да и снаряды моим прошлым трофеям тоже пригодятся, ведь не все типы боезапасов этого стандарта были на складах Порт-Артура, а тут мы даже итальянским крейсерам привезём хоть и куцый, но запас. Что там по полтора боекомплекта для их главного калибра?

Пока шли, я редко появлялся на мостике. Лишь указал кривую линию, как будем идти. Да и двигались не сказать, что быстро, на десяти узлах, подстраиваясь под самого медлительного из призов. Большую часть времени я проводил у себя, время от времени вызывая кого-то из офицеров «Маньчжура». Этот корабль до начала войны почти неделю стоял на базе английского флота в Вейхае, доставив туда русского консула, потом вернулся в Шанхай, где и встретил начало войны. В общем, я составлял планы, как наведаться в этот порт. В Сасебо я уже был, японцы до сих пор «счастливы» от этих моих двух посещений, пора и англичан порадовать.

Всё же соскочить с каравана кораблей и призов до прихода в Порт-Артур мне не удалось. Просто не успел. Была причина раньше сойти с «Отрока»: несмотря на то что командовал теперь Макаров, всё же русской стороне я не до верял. Не раз удавалось убедиться, что не стоит иметь с ней никаких дел. Дело в том, что на второй день – а мы проходили недалеко от Циндао, больше приближаясь к китайским берегам, чем к корейским, где встретить японцев было труднее, – мы повстречали наши боевые корабли. Заметив дымы на горизонте, миноносец Карташова «побежал» на восемнадцати узлах посмотреть, кто это там идёт. Вернулся он через три часа в сопровождении двух наших миноносцев из Порт-Артура. Это Макаров, узнав о нашем конвое, отправил миноносцы встретить нас. Причём с достаточно жёстким приказом командиру группы лейтенанту Рощаковскому доставить меня пред очи адмирала. Уж очень он хотел меня видеть. Ладно, хоть опознались благополучно, несмотря на иероглифы на бортах и явно японский вид нашего трофея. Правда, военно-морской флаг России имелся на флагштоке, но японцы уже показали свою иезуитскую хитрость, так что флагу можно было не доверять.

Делать нечего, я, взяв сумку с рапортами, спустился на миноносец лейтенанта, и мы на максимальной скорости пошли к эскадре. Второй миноносец остался сопровождать конвой. Пока шли, я прямо на мостике опрашивал Рощаковского о действиях эскадры за последний месяц. Тому было что поведать. Кстати, именно он, когда находился на дежурстве у входа в Порт-Артур, встретил «Мариуполь». Добрался-таки инвалид. В частности он рассказал, как удалось очистить фарватер. Там были и водолазные, и взрывные работы. В общем, напрягая до предела силы, удалось сделать невозможное, и вот уже как неделю был свободный вход в бухту. Также лейтенант описал, как японцы вскрыли их минные поля, чтобы провести брандеры, точно кто-то из местных помогал, ну и как шла служба. О Владивостокском отряде крейсеров поведал. Неделю назад, как раз до окончания очистки фарватера, те умудрились прославиться. Внезапно вышли из своего порта, причём японские наблюдатели это как-то прощёлкали, телеграф за два дня до этого был блокирован, и двинули к Корейскому проливу. А там… Короче, за сутки отряд отправил на дно одиннадцать японских судов, а шесть в качестве призов привёл обратно во Владивосток. Помимо гражданских кораблей, но с военными грузами им было встречено несколько миноносцев и старый китайский крейсер, захваченный японцами и переименованный в «Сайен». Его использовали для охраны транспортных коммуникаций. «Громобой» догнал его и вынудил принять бой, чуть позже подошла «Россия» и потопила старичка. С воды удалось поднять едва тридцать матросов и ни одного офицера. Чуть позже появился броненосец, сопровождавший несколько грузовых судов, идущих в Корею, «Громобой», что к нему «сбегал», сообщил, что это «Фусо», тоже старичок, но уже из

японского состава, зачем-то японцы его вывели на свои коммуникации. На этом их последний выход и закончился. До него были не такие яркие. Пяток перехваченных пароходов максимум.

Четно говоря, командуя таким отрядом, я ещё пошуровал бы на японских коммуникациях, а тут как-то неприглядно всё выглядело. Высунула мышка-отряд нос из норки-порта, схватила кусок сыра-призов и быстро обратно. У меня в мыслях сразу замелькали картинки, что бы я делал, имея такой отряд. Эх, мечты-мечты… Причём, слушая лейтенанта, я сам не молчал, комментировал подаваемую информацию, получалось едко, но командир «Решительного» не обижался. Я тоже поведал ему, где был, не видя смысла скрывать, особенно подробно описал свою встречу с адмиралом Того. Лейтенант не просто смеялся, а ржал, представляя, как себя чувствовал японский адмирал, узнавая, что у них из-под носа из защищённой бухты увели боевой корабль. На бывший «Талбот» он уже успел полюбоваться. О том, как адмирал описывал операцию по блокированию фарватера Порт-Артура, я тоже рассказал подробно. Тут Рощаковский очень внимательно слушал, для него многое представало с обратной стороны, как и для меня когда-то.

Наконец мы подошли к эскадре. С «Петропавловска», идущего под адмиральским флагом, нам просигналили подойти к правому борту. Швартовка, если это можно так назвать, была проведена практически идеально. Я, шагнув, перешёл на трап, передал матросу, который мне помогал, тяжёлую сумку с рапортами. По старой привычке в каждом запечатанном пакете была картечь, чтобы, если что, за борт, сразу на дно пойдут, не доставшись противнику.

Когда я поднялся на палубу, к моему изумлению, меня встретили, как адмирала, то есть с теми же почестями. Чуть позже узнал, как мне шепнул вахтенный офицер флагмана, это был приказ Макарова, но и сами офицеры были рады меня видеть. С других кораблей эскадры флажками мне передавали приветы и благодарности. Когда торжественная часть была закончена, вместе с командиром броненосца я был сопровождён в адмиральские покои. Когда я вошёл, стало понятно, почему адмирал меня не встречал. Трость у стола и забинтованная нога. И ведь никто не сказал, только Рощаковский мельком упомянул, что командующий «немного прихворнул».

– Здравствуй, Максим, давно не виделись.

– Больше полугода прошло, Степан Осипович, – согласился я, ответив на приветствие.

Адмирал пригласил меня присесть и, одобрительно пронаблюдав, как я выложил на его письменный стол с десяток пакетов с рапортами, которые составлялись чуть ли не после каждой операции, попросил меня описать всё, что было со мной с момента, когда я покинул территорию России на арендованном судне. О рапорте, переданном мной через консула, он знал, но тот всё ещё шёл диппочтой. За всё время беседы нас почти не беспокоили, хотя я видел, поднявшись на борт, что офицеры с флагмана желали пообщаться со мной. Нам лишь принесли чай, потом обед да ужин. Мы действительно засиделись. Да прерывались раз, когда корабельный врач осматривал рану на ноге Макарова. Адмирал сказал, что его ранили два дня назад. Причём удалось, благодаря жандармам, которые вели это дело, обуздать слухи и пустить свой, что Макаров немного «приболел». Да и рана несерьёзная была, не глубокая. Стрелка взяли, почти всю сеть вскрыли. А вот то, что тут поработали японцы, вызывало сомнение. Я лично думаю, это всё нагличане, Макаров был со мной согласен, он со своим активным командованием был у них как кость в горле.

Эскадра, взяв под охрану мои суда, уже была на подходе к Порт-Артуру, когда я наконец закончил повествование своих приключений. Естественно, о том, о чём лучше не говорить, я умолчал. Описывал, где были свидетели моих действий. Правда, о моих походах в Чемульпо и Сасебо указал.

– Что значит «не хочешь в Порт-Артур»? – грозно нахмурился адмирал. – Что значит «свои планы»?

– Степан Осипович, я ведь вам уже сообщил о пополнении японского флота благодаря англичанам. Стоит им за это ответить. Не скрою, хотя и подумывал об этом: я собираюсь тайно посетить их военно-морскую базу в Вэйхае и провести акцию вроде Чемульпо. Тайную, чтобы ни на вас, ни на меня не подумали. Более того, хотелось бы и те корабли, которые они уже передали, навестить. Я знаю, где они стоят. Несмотря на то, что на них были японские флаги, как мне удалось узнать через одного японского капитана призового судна, перегоняли их английские команды. А вы должны знать, сколько длится приём и освоение кораблей. Вон наша команда уже почти неделю осваивает «Отрок», и конца-края этому не видно.

Адмирал задумчиво и как-то отстранённо потирал перебинтованную ногу, слушая меня. Когда я замолчал, в адмиральском салоне на несколько минут воцарилась тишина, только гул судовых машин был слышен. Звякнув стаканом, я налил себе вишнёвый сок, а адмиралу коньяк.

– Скажу честно, Максим, я хотел бы тебя отпустить, но в Порт-Артуре тебя ждёт флигель-адъютант его императорского величества Шепелев. Прибыл буквально за два дня до выхода эскадры. При нём пакет. Его содержимое мне не известно. Пакет был направлен на твоё имя, и Шепелев ожидает, чтобы его вручить именно тебе.

– А что там может быть? – нахмурился я.

– Думаю, личное приглашение его императорского величества посетить Санкт-Петербург и императорский дворец. За твои действия, то, что ты принёс нам в этой войне, тебя осыпать должны наградами. Фактически все наши победы, которые числятся за флотом, совершены тобой. Как это ни странно, флот в войне себя никак не проявил. То, что пишут в газетах, в большей части преувеличение и приписка флоту того, что он не совершал. Мне не нравится это.

– Возможно-возможно… – задумчиво протянул я и посмотрел на адмирала, мысленно прикидывая, что делать.

Эскадра, как нам доложили, уже подошла к Порт-Артуру, и в начавшейся сгущаться темноте первые призы стали заходить в порт. Время свалить ещё было. Почему-то встречаться с посланником императора мне не хотелось. Предчувствие нехороших новостей? Возможно. Опыт получения таких новостей у меня был. В глюках ничего этого не было, я тогда повёл конвой во Владивосток, на траверзе покинул его, оставив командование всей корабельной группы на Головизнине. Сейчас всё по-другому. Да и то, что в глюках я планировал загнать набитый боеприпасами японский пароход в Токийский залив к одной из баз флота Японии, причём собираясь поджечь его, тоже не получилось. Там пароход с боеприпасами я пустил на дно, в реале им командует Гаранин, но до Токийского залива мы не дошли и сторожевое судно не потопили, как было в моих глюках.

– Если порученец императора действительно прислал приглашение, то получается, пока я мотаюсь туда и обратно, японцы введут в строй и освоят те корабли, что передали им англичане?

На лицо Макарова снова набежала тень, и он поморщился. Об этой подлости англичан адмирал даже слышать не хотел. Бесило это его. Интересно, как лорды Британии будут оправдываться перед Россией, которой были якобы союзником? Как-то будут. Думаю, Макаров отправит на

имя императора за действия англичан такой рапорт, тут реальная работа против союзника, что тот вынужден будет как-то реагировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить полную версию книги

mir-knigi.org